

The poster features three characters in a dynamic pose against a cosmic background. On the left, a character in a black and red uniform with a peaked cap holds a futuristic gun and a chain. In the center, a character in a yellow and orange suit with a cape reaches forward. On the right, a character in a pink and white suit with a cape is in a floating position. The background is a deep blue space with stars, nebulae, and bright yellow energy streaks. At the bottom, a dark, metallic structure is visible.

Генри Лайон
ОЛДИ

ОЙКУМЕНА

КОСМИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ

Генри Лайон Олди
Кукольник
Серия «Ойкумена»
Серия «Ойкумена», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142545
Ойкумена. Книга 1. Кукольник: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-18516-X*

Аннотация

Лючано Борготта по прозвищу Тарталья – человек с трудной судьбой.

Юный изготовитель марионеток с захолустной планеты Борго. Невропаст, мастер контактной имперсонации, исколесивший с гастролями половину Галактики. Сиделец печально известной тюрьмы Мей-Гиле на первобытной Кемчуге; позднее – младший экзекутор. Директор театра «Вертеп», возглавивший группу крепостных крестьян графа Мальцова, помещика-филантропа. Подследственный на вудунском курорте Китта; раб помпилианского гард-легата Гая Октавиана Тумидуса, гребец в ходовом отсеке галеры.

Что дальше?

Звезды не дают ответа.

«Ойкумена» Г.Л. Олди – масштабное полотно, к которому авторы готовились много лет, космическая симфония, где судьбы людей представлены в поистине вселенском масштабе.

[Видео о цикле «Ойкумена»](#)

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Глава первая	13
Контрапункт	42
Глава вторая	61
Контрапункт	97
Глава третья	113
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Генри Лайон Олди

Кукольник

Пролог

«Иногда мне кажется, что наша Вселенная – лишь эпиграф к другой, куда более масштабной и содержательной Вселенной. Фрагмент, припаянный на скорую руку между заголовком и началом. Это не значит, что мы – пустое украшательство, и цена нам – грош. Это всего лишь значит, что в случае чего нами можно пожертвовать без особого вреда для общего замысла.

Вас это утешает?

Меня – да».

Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих, «Мемуары».

Обе луны, Розетта и Сунамандари, взошли рано.

Плывя в светло-лиловом, глянцевитом, словно его натерли цветным воском, небе, спутницы планеты без лишней суеты преследовали друг друга. Куда спешить, если погоня – лишь способ скоротать вечность? Сегодня, вчера, на прошлой неделе, тысячу лет назад они делали то же самое, не балуя зрителей оригинальностью. Зрители в свою очередь не спорили с красавицами, веками любуясь соперничеством лун и тем, как закат ручьями стекает за шиворот горизонта.

Орхидеи, над которыми днем жужжали осы и шмели, смежили венчики. Их поздние сестры, готовясь к ночному визиту бабочек-бражников, сделались похожи на гроздья облаков. Усилившись, аромат цветов волнами струился над зарослями папоротника. Облака вдали, над рощей криптомерий, не остались в долгу, став похожими на орхидеи: волнистые, легкие, с желто-розовыми прожилками по краям и пятнышками кармина в середине.

– Красиво...

– Да уж...

Два старика улыбнулись, смутившись банальности сказанного.

И опять замолчали.

Они сидели в шезлонгах на веранде двухэтажного особняка и курили: один – трубку, второй – толстую самокрутку. Обоим было за восемьдесят. Бодрая, деятельная старость; особенно учитывая достижения современной медицины и тот факт, что средняя продолжительность жизни в здешнем секторе Галактики составляла сто шестнадцать лет плюс-минус три месяца.

Статистические данные, взятые из «Вестника медицины», заслуживали доверия.

Если не доверять статистике, то кому?

Взяв с плетеного столика по стакану, где плескалась душевная порция тутовой водки, старики сделали по глоточку, крикнули и с удовольствием зажмурились. Пили они без

закуски и без тостов. Второе выглядело куда удивительней первого. Молча пьют на поминках, где здравицы неуместны. Еще так пьют очень близкие люди, но старики не были похожи на друзей детства, кем за долгие годы все сто раз переговорено, и ничто уже не требует лишних слов.

На горьких пьяниц, которым без разницы, как пить, лишь бы выпить, они и вовсе не походили.

Внимательный наблюдатель, изучая стариков, терялся бы в догадках. Судя по мелким нюансам поведения, эти двое познакомились не слишком давно. Взаимная симпатия не заменит привычку, рождаемую временем. Но, с другой стороны, учитывая кое-какие приметы, их можно было счесть и закадычными приятелями.

Зато родственниками их бы не счел никто.

Любитель вертеть самокрутки – смуглый, маленький, с диковатыми чертами лица – явно прилетел издалека. За ушами и на затылке у него топорщился седой, жесткий, коротко стриженный «газон», напоминая колючки ежа-альбиноса. Тощие ручки-ножки в сочетании с брюшком, выкаченным за поясной ремень, делали человека смешным; сонные, припухшие глазки усиливали комическое впечатление.

Из одежды на «комике» имелась юбка до колен и кожаный фартук, где над кармашком выжгли эмблему: паук держит в лапках муху.

Все.

Хорошо, что ночь предполагалась теплая.

Зато трубокур одевался стильно, можно сказать, со вкусом. В нем чувствовалась если не порода, то умение вращаться в свете. Шорты из натурального волокна, рубашка навывпуск с пуговицами, каждую из которых украшал скромный голо-значок «Lazzaro Sforza»; на ногах – сандалии ручной работы. Дородный, крепко сбитый, он дымил трубкой, распространяя запах вишневого табака, и раздувал ноздри орлиного носа, словно намеревался чихнуть.

Лысая, как колено, голова вызывала сомнения: росли ли на ней волосы хотя бы в молодости? Зато руки оказались волосаты сверх меры. И вполне энергичны, судя по легкости, с какой они потянулись к тыкве-долбленке, желая «освежить» содержимое стаканов.

– Не напивайтесь! – строго предупредила их снизу женщина, возясь у вкопанного в землю стола. – Успеете еще!

Щеголь прикусил трубку крепкими, похоже, имплантированными зубами.

– Да мы по капельке!

– Знаю я вас... Поставь на место, кому сказано!

Лысый щеголь подчинился, а его комический собутыльник вздохнул.

Женщина – ее следовало бы назвать толстухой, да мешала бойкость, с какой она двигалась – оправила чепец и взялась за нож. Четвертушки курицы под ее пальцами и лезвием ножа живо теряли первозданный вид, превращаясь в одинаковые кусочки мяса без костей. Взлетев в воздух, они от-

правлялись мариноваться в кастрюлю с «толкушкой»: смесью куркумы, семян кинзы и сушеных корней турмерика с солью, сахаром и измельченным арахисом.

Рядом ждали своего часа деревянные шпажки.

Опытная хозяйка, женщина приготовила заранее даже венчик из лимонной травы – сбрызгивать курицу маслом, когда она зашипит на углях в мангале.

– Чш-ш, Дамби! Чш-ш, маленький!

Реплика адресовалась домашнему тапиру, совсем еще детенышу – тапир щипал траву, привязан к декоративному плетню. Старшие родичи Дамби после вечерней дойки мирно отдыхали в хлеву, а этот, видимо, любимец хозяйки, никак не желал утомиться. Вытягивал короткий хобот, фыркал, топал, подвижностью напоминая диких сородичей, ведущих преимущественно сумеречный и ночной образ жизни.

Шерсть Дамби покрывали белые пятна и полосы, очень красивые на коричневом фоне. С возрастом «украшения» обещали слиться по бокам и на спине в единый серебристый чепрак. Когда за озером, над невидимым отсюда космопортом раздался тоненький, еле слышный визг, сигнализируя о старте корабля, тапир засвистел в ответ, совершенно не боясь постороннего звука.

Должно быть, привык.

Обратив внимание на пристальный взгляд старика с самокруткой, обращенный в сторону кастрюли, женщина хмык-

нула, нанизала три кусочка сырого, пропитанного специями мяса на шпажку и бросила страдальцу. Тот ловко поймал еду над перилами веранды, кивком поблагодарил и принялся возиться с мясом.

Обжарить шашлычок он не попросил.

Тощие, узловатые пальцы снимали курятину со шпажки, с тщанием разбирали на аккуратные, тоненькие, словно паутинки, волоконца, и лишь потом отправляли в рот. В действиях старика крылось что-то от сомнительного искусства патологоанатома.

Следить за ним было чутьточку страшновато.

Второй старик поднялся из-за столика и вразвалочку стал прогуливаться вдоль веранды. На внешней стене дома с этой стороны торчали вбитые и загнутые кверху гвозди, на которых висели куклы. Марионетки. Десятка полтора; возможно, больше. Кто и зачем развесил их именно здесь, оставалось загадкой. На ночь кукол имело смысл убирать под крышу, сберегая от ночной росы.

И вообще, веранда – не куклохранилище.

Впрочем, готовить еду на ночь глядя тоже не слишком правильная идея.

Окутан душистым облаком дыма, старик прошел мимо куклы, изображавшей помпилианского гард-легата Военно-Космических сил в полном обмундировании. Миновал трех дам: миловидную брамайни, одетую в робу и штаны «мышинного» цвета, и двух красоток в роскошных туалетах

– темнокожую вудуни и помпилианку-брюнетку.

Мастер-изготовитель передал даже стервозность в глазах брюнетки.

Насладившись женскими прелестями, старик задержался у двух детей-близнецов, рыжих и конопатых, с невыразительными лицами гематров. И наконец остановился у крайней справа куклы – ничем не примечательного человечка, одетого эстет-распорядителем. Сюртук цвета морской волны, с вставками розового атласа, белоснежная сорочка, лосины жемчужного оттенка, высокие ботинки на шнуровке...

Казалось, скромной марионетке не слишком удобно в ярких одеждах.

Ветер коснулся ее легчайшим пером, кукла зашевелилась, стараясь отвернуться от любопытного зрителя. В ответ трубка пыхнула дымом, скрывая усмешку, и старик вернулся к столику. По дороге он протянул руку к перчаточной куколке, лежавшей на подоконнике – из-за потешной круглой головы, слишком большой для тряпичного тельца, кукла выглядела спящим карликом.

Но, передумав, брать не стал.

– Не трогай! – с опозданием пригрозила хозяйка. – Вот несчастье, все ему надо...

Не требовалось быть телепатом, чтобы понять: трое людей возле дома – ждут.

Кого?

Чего?

Чтобы выяснить это прямо сейчас, телепат не помешал бы. Но даже самый опытный пси-сканер не сумел бы сказать однозначно:

«Дождутся ли?»

Будущее, как и прошлое, капризны, надежно скрывая свои тайны. Хотя о прошлом мы можем вспоминать, а на будущее можем надеяться. Слабое утешение, но другого не дано.

А по небу плыли две луны, не интересуясь заботами людей.

Часть первая

Китта

Глава первая

«Вертеп» едет на гастроли

I

– Уважаемые пассажиры!

Бархатное контральто бортовой информателлы потекло со всех сторон, усиливаясь и привлекая внимание. Впрочем, звук быстро сконденсировался в стандартной точке: над дверью каюты, на фут ниже мерцающего потолка.

– Наш грузопассажирский лайнер 2-го класса «Протей» успешно завершил РПТ-маневр и вышел на финальный отрезок траектории. Экипаж рад приветствовать вас в системе Альфы Паука...

На всякий случай информателла пустила в эфир запись бурных и продолжительных аплодисментов. То ли экипаж таким образом приветствовал пассажиров, то ли пассажиры благодарили экипаж за успешный маневр.

Овадия достигла апогея и стихла.

– Расчетное время до планеты Китта, конечного пункта нашего рейса – один час тридцать семь минут. Предлагаем вам полюбоваться незабываемыми видами планетарной системы Альфы Паука, одного из красивейших уголков Галактики. Сейчас вы можете видеть, как выглядит точка входа корабля в систему после выполнения РПТ-маневра...

Торцевая стена каюты непринужденно растворилась в воздухе, и на пассажиров рухнула звездная бездна.

– Ух ты! – выдохнул непосредственный Степашка.

Лючано невольно усмехнулся, вспомнив, как завопил с перепугу, впервые увидев исчезновение стены. Тогда ему показалось, что он стремительно падает в открывшуюся за бортом ледяную бесконечность, а колючие лучи звезд пронзают его насквозь вязальными спицами. Он орал, наверное, минуты полторы, отчаянно вцепившись в сиденье. Над ним смеялись, показывали пальцами – многие, но не все. Кое-кто, похоже, прекрасно помнил свой первый перелет и сочувствовал мальчишке: дрожащему, наивному, уверенному, что умрет через секунду. Чужой ужас часто вызывает смех, особенно если смеющийся уверен в собственной безопасности; часто, но, к счастью, не всегда. А маэстро Карл сказал, чтобы дураки заткнулись, и дураки действительно заткнулись. Потому что маэстро зря не говорил.

Это было давно.

Сейчас за кормой медленно закрывался, стягивая лепест-

ки к центру и оседая внутрь себя, лаковый бутон черного тюльпана-гиганта. Так выглядит место выхода корабля из разрыва пространственной ткани. Как можно в непроглядной тьме космоса различить, казалось бы, столь же черный «тюльпан» — это всегда оставалось для Лючано загадкой. Тем не менее, инфернальный цветок фиксировался не только обычным зрением, но и приборами. Другой оттенок мрака? — глупости. Глянцевый? матовый?! — нет, нет, нет...

Любые градации качеств, любые образы в данном случае пасовали, бессильны найти аналогию и успокоить взбаламученный рассудок зрителя.

«Тюльпан» был *чуждым*.

Инородным.

«Как открытая рана на теле?..»

Лючано усмехнулся, откинувшись на спинку койки. Дурацкое сравнение, неправильное. Слишком пафосное, а значит, бессмысленное. Но почему-то именно оно с завидной регулярностью являлось ему год за годом. Через пару часов «тюльпан» окончательно закроется и воссоединится с окружающим пространством, вольется в него, став единым целым. Рана затянется. К тому времени «Протей» успеет сесть на планету, а некий Лючано займется обыденными заботами, оставив пустые домыслы богатыньким туристам.

Им хоть времени, хоть денег — все едино девать некуда.

— ...можете наблюдать живописный пояс астероидов, расположенный между Н'голой и Амбвенде, седьмой и восьмой

планетами системы. Наш лайнер входит в систему под углом к плоскости эклиптики, так что мы пройдем над поясом на безопасном расстоянии. А пока перед нами разворачивается это захватывающее зрелище, позвольте кратко ознакомить вас с историей и основными особенностями планеты Китта. Четвертая от центрального светила...

Никита, курносый и веснушчатый, досадливо ковырялся мизинцем в ухе, стараясь отодвинуться подальше от виртуального источника звука. В тесноте десятиместной каюты 3-го класса это оказалось весьма проблематично. Ничего, потерпит. Скоро посадка, не оглохнет.

Чай, не барин!

Последнему выражению Лючано научился у того же Никиты.

«Интересно, – думал он, вполуха слушая назойливое пение информателлы, – из каких соображений, чем выше цифра в классе каюты, гостиничного номера или корабля, тем этот номер, каюта или корабль хуже и дешевле? Зато чем выше „звездность“ отеля, тем отель помпезнее и дороже? „Протей“, на котором мы летим – одно название, что „лайнер“. Грузопассажирская лохань, старая и раздолбанная посуда. Лайнеры – они чисто пассажирские, без всяких сомнительных „грузо“. И каюты-люкс 1-го класса на „Протее“ вряд ли потянут хотя бы на третий по меркам какого-нибудь „Амадеуса“ или „Садху“. Не говоря уже о круизных звездолетах класса „прима“...»

На «приме» Лючано в свое время довелось выступить с представлением.

Впечатления остались незабываемые.

— ...была открыта и колонизирована расой Вудун около семисот уни-лет назад. Мощное излучение Альфы Паука – голубого гиганта класса BG-18a, спектр которого значительно смещен в ультрафиолетовую область – а также уникальный, не имеющий аналогов состав атмосферы дают представителям светлокожих рас неповторимую возможность в течение недели приобрести стойкий густой загар модных оттенков, без малейшего риска получить даже минимальные ожоги. Забудьте про смягчающие кремы и лосьоны! Загорайте весь световой день напролет! К услугам туристов личные бунгало, коллективные пансионаты и фешенебельные отели. Вас ждут спортивные комплексы, лечебно-оргиальные танцплощадки, экстрим-сафари, здравницы Вудун – лучших медиков Галактики! – и, разумеется, первоклассные пляжи, омываемые теплыми водами пяти океанов. Местная кухня разнообразна и экзотична...

Рассказ об «основных особенностях планеты» окончательно превратился в навязчивую рекламу вудунских курортов. Лючано фыркнул и перестал внимать восторженному словоизвержению информателлы. На Китте он уже успел побывать.

Правда, много лет назад.

Вряд ли за эти годы курорт сильно изменился. Одни отды-

хают, другие на них пашут. И все презируют друг друга: трудяги – бездельников, бездельники – трудяг, заработавший больше – заработавшего меньше, отдохнувший неделю – отдохнувшего три дня; обитатель бунгало – проживающего в отеле, дама с кофейным загаром – даму с загаром цвета корицы, сидящий на террасе ресторана «Ананси» – сидящего в открытом кафе «У дядюшки Мбенге», зритель – паяцев, паяцы – зрителя и директора цирка заодно...

«Не слишком ли нервный способ скоротать время? – одернул себя Лючано. – Лучше считать овец или отлетающие корабли...»

До входа в атмосферу оставалось меньше часа. Поясница изрядно затекла. Следовало размять ноги, пока зеленые сполохи на потолке не сменились ярко-алыми, и информателла не объявила о необходимости вновь занять гелевые лежа-компенсаторы. Мрачно зыркнув на притихшую труппу: мол, оставайтесь здесь и смотрите мне! – Лючано небрежно мазнул ладонью по двери.

Считав папиллярный узор зарегистрированного пассажира, створки дверной мембраны со змеиным шипением ушли в стены, чтобы через секунду сомкнуться за спиной.

В коридоре ничего интересного не было. Тусклые блики панелей, неотвратимо стареющий биопласт обивки, сплошь в морщинах и отечных выпуклостях; ряды прозрачных контейнеров с мутным субстратом – обиталища регенеративных бактерий. Через каждые семь шагов – откидные сиденья ин-

дивидуальных кабинок для курения и ароматерапии. Одну из кабинок только что активировали: сиденье накрыл матовый купол, сквозь который виднелся неясный силуэт курильщика.

Лючано с хрустом потянулся, сделал дюжину наклонов вперед-назад, покачался с пятки на носок. Перевел дух, прислушиваясь к собственным ощущениям. Да, полегчало. Возвращаться в каюту не хотелось, и он направился к стационарному авто-стюарду за бесплатным кофе. Кофе в эконо-отсеке для малообеспеченных подают жидкий, с синтетикой, но терпимый. Случалось давиться и куда худшей бурдой. На Китте кофе, вне сомнений, превосходный – только, если забудешь про цены, останешься без штанов...

Табло автомата вспыхнуло, демонстрируя скудное меню. Не колеблясь, Лючано выбрал двойной глюкозированный «фаст». Автомат утробно хрюкнул и выдвинул лоток. В углублении исходила паром одноразовая чашечка.

– Приятного вхр-р... ремяпр-хр... – каркнуло из «кофеварки».

За поворотом затопали босые ноги. Лючано посторонился. Мимо него, переговариваясь вполголоса, прошла сменная бригада брамайнов-толкачей: все низкого роста, смуглые, бритые наголо, сухощавые – чтоб не сказать «изможденные», – в одних набедренных повязках. Двое аскетов вообще напоминали ходячие мумии. На их шеях болтались «гирлянды Шакры»: искусственные цветы чуть-чуть светились,

пользуясь любой возможностью для аккумуляции избыточной энергии носителя.

«Слишком резво шагают для восставших покойников...» – ухмыльнулся Лючано, стараясь не расплескать кофе. И подумал, что ухмылка, да и вся шутка в целом, вышли слишком ядовитыми для случайной встречи в коридоре звездолета.

Не выспался, что ли?.. злопыхаем без причины...

Брамайны шли отдыхать: корабль садился не на энергии толкачей, гнавших посудину всю дорогу, а на посадочной гематрице, специально исчисленной под финальный участок маршрута. Гематры свое дело знают: ювелирная точность посадки гарантирована, можно не сомневаться. А аскеты наконец получили возможность отоспаться и восстановить силы.

Небось, для этих работа на «Протее» – за счастье. Нищета, грязь и дичайшее перенаселение родных планет брамайнов известны всем. Там каждый, лишь бы сбежать с милой родины, наизнанку вывернется...

Потолок замигал красным. Над головой разлился патокой голос информателлы:

– Уважаемые пассажиры! Наш лайнер приступает к выполнению орбитального маневра. Просьба занять лежа-компенсаторы. Повторяю...

Лючано выругался сквозь зубы: вот так всегда!

В два глотка прикончив кофе, он швырнул чашечку в довольно чавкнувший раструб утилизатора и поспешил к каю-

те.

II

С багажом вышла заминка. Вся труппа успела получить свои сумки, баулы и рюкзаки, а любимый саквояж и чемодан с личными вещами директора до сих пор блуждали где-то в недрах сортировочного комплекса. В итоге Лючано махнул рукой Степашке, которому доверял больше других:

– Ты главный! Веди народ занимать очередь на досмотр!

– А вы? – испугался верный Степашка, цепляясь за рукав начальства.

– Веди, я догоню!

– Тарталья, вы недолго... я их боюсь, фараонов...

– Идите, кому сказал!

Провожая труппу взглядом, он остался ждать, когда бес-толковая техника отыщет утерянное барахло, отправит в нужный сектор, и на табло с номером их рейса загорится надпись:

«Лючано Борготта, полноправный гражданин. Багаж: два места».

Борготта – так звучала настоящая фамилия Лючано. Но вся труппа звала его Тартальей: Злодеем, Человеком-без-Сердца. Он не возражал. Тем более, что прозвище придумал себе сам, много лет назад, когда вернулся в труппу – не в эту, а в старую, где командовал маэстро Карл, – после отбы-

тия срока заключения. Коллеги вначале посмеивались: «Ну какой же ты злодей, малыш? Из тебя злодей, как из вудуна гематр!» Скоро коллеги смеяться перестали. Прозвище прилипло, стало естественным, а через некоторое время Лючано начал ему соответствовать.

Не сразу, постепенно.

– Вниманию встречающих рейс номер 64/12-бис Сиван – Китта! На трассе в районе Слоновьей Головы зафиксирована активность флуктуации континуума класса 1С-14+ согласно реестру Шмеера-Полански. В связи с этим в маршрут внесены коррективы. Яхта «Красотка», выполняющая рейс 64/12-бис, прибудет с опозданием на восемь часов. Приносим извинения за доставленные неудобства.

– Кракен, двигун ему в глотку! – проворчал крепыш в темно-лиловой потертой куртке корабельного механика. Нашивки с рукава куртки были неумело спороты. – Два раза его, падлюку, «Ведьмаки» гоняли! Уходит, прячется, а потом опять всплывает. Отожрался где-то, тварь. Прошлый раз 7–был. А теперь 14+ – года не прошло! Если до 17+ дорастет – сторожа его не сдюжат. Без антиса не справятся, точно вам говорю.

Крепыш ждал багаж вместе с Лючано. Не склонный поддерживать разговор, Тарталья молча кивнул, соглашаясь. Будто нарочно подтверждая слова механика, информателла космопорта не замедлила сообщить:

– Движение на трассах в районе Слоновьей Головы бу-

дет восстановлено в полном объеме в течение ближайших трех суток. Для зачистки района направлены два патрульных крейсера класса «Ведьмак» с рейдером поддержки.

– Ну, вдвоем патрули, может, скотину и прижучат, – без особой уверенности буркнул крепыш, дергая вислый ус цвета спелой пшеницы.

А багаж все мотался по сортировке.

Конечно, лети клиент бизнес-классом, и не на зачуханном «Протее» – небось, всё бы давно нашлось. А если и пришлось бы ждать, то уж никак не в душном гулком зале, где единственное кресло занято скучающим чернокожим охранником-вудуном, на поясном крюке которого дремлет, свернувшись в кольца, полицейская мамба. Охранник, понятное дело, змею контролирует, но даже самые законопослушные и добропорядочные граждане стараются держаться подальше от «напарников».

Сквозняк таскал из угла в угол обертки от дешевого мороженого, пустые пачки из-под сигарет и надорванные пакеты. От пакетов за десять шагов несло вонючим бетелем. Скребясь о стыки лент полового покрытия, мусор играл картинками анимированных реклипов и неразборчиво шептал «завлекалочки», потерявшие всякий смысл.

– Пассажиров, отбывающих рейсом 97/31 Китта – Октуберан – Магха отправлением в 13:44 по местному времени, просим пройти на посадку к 124-му выходу терминала «Гамма». Повторяю...

Шепот рекламных оберток раздражал. Вездесущий голос информателлы раздражал тоже. И долгое отсутствие багажа. И грязный зал ожидания. И охранник с его жуткой мамбой – та наконец проснулась и теперь с явным неодобрением водела из стороны в сторону ромбовидной головой, мелькая темным раздвоенным жалом. И...

В последнее время Лючано многое раздражало.

Почти всё.

«Признайся, Тарталья: был бы ты сейчас доволен жизнью, если бы летел бизнес-классом? Комфортабельный релаксаторий, вместо охраны – смуглые милашки за стойкой бара. Дармовые напитки входят в стоимость перелета: пока пассажир не покинул терминал, он – клиент компании. Мягкое полиморфное кресло. В ушах – квазиживые фильтр-слизни с индивидуальной настройкой. Удобно: слышишь только то, что касается непосредственно тебя. Остальную дребедень слизень надежно глушит. Персональный реалайзер с новостями и пикантными ток-шоу...»

Да, заманчиво. Тем более, деньги есть. Регулярно бизнес-классом не летаешь, но время от времени... Почему бы и нет?

Потому.

Лючано помнил, на что откладывается львиная доля гонораров. Да и с теперешним его характером он даже в уютном зальчике бизнес-класса нашел бы, отчего прийти в раздражение. Мало джина в «Еловом утре», кофе слишком го-

рячий, милашка за стойкой чересчур вертлява. Слизняк ворочается в ухе, кресло с жесткой обивкой. По новостям крутят сплошную черную:

«Ширится конфликт в секторе вехденов, известных как Хозяева Огня. После таинственной гибели лидер-антиса империя, еще недавно имевшая статус стабильной... мятеж на столичной планете Фравардин, коллапс экономики... бунт сепаратистов на Михре. Намерения помпилианцев урвать кусок от рушащегося колосса... захват планет Тир и Абан под предлогом...»

Если бы не военно-торговый союз с брамайнами, империя вехденов развалилась бы еще вчера. Но, похоже, к тому идет: Хозяева Огня не в состоянии выполнять торговые соглашения с аскетами, а легендарное терпение брамайнов, несмотря ни на что, имеет границы. Особенно когда речь идет о существенных убытках для всей Агломерации.

Политика, подумал Лючано.

Ненавижу.

Над головой звякнуло, на табло возникла долгожданная надпись. Лючано ударил ладонью по идентификатору. Вскоре транспортер выплюнул через дезинфицирующую мембрану его чемодан и саквояж. Мембрана чмокнула и сомкнулась; снова звякнуло, на табло возникла следующая надпись, приведя крепыша в буйный восторг. Не глядя на нее – неприлично пялиться на чужие данные, да и зачем? – Тарталья подхватил багаж и поспешил в сектор досмотра.

– ...а паспортов, значит, нет?

– У пана директора есть. А у нас – справки.

– Ну-ка, позвольте... О-сел-ков Степан... Гражданства нет. Частичное поражение в правах. Находится в ограниченной собственности... Потрудитесь объяснить!

– В крепости мы, ваше высокоблагородие.

– В какой крепости?

– У его, значит, сиятельства графа Мальцова, с Сеченя.

– Сечень, Сечень... Это в Архиерее?

– Ага, ваше высокоблагородие. Бета Архиерея. Там, в пу-тевом листе, все написано.

Отвечая, Степашка с восхищением изучал форменную рубашку офицера: шелк с изумрудным отливом, золоченые пуговицы, на груди – россыпь значков, на плечах – погоны с восьмиконечными звездами. «За такую роскошь, – читалось на простоватой физиономии Степана Оселкова, частично пораженного в правах, – душу продать не жалко...»

К сожалению, таможенник не оценил чужую зависть по достоинству.

– Рабы, что ли?

– Никак нет! Говорю ж, крепостные мы...

С вниманием, не предвещавшим ничего хорошего, таможенник уставился на Степашку, затем окинул цепким взглядом притихшую труппу. На его пояском крюке зашевелилась мамба.

Мамбе не нравились люди без паспортов.

– В крепости? Очень интересно, – на унилингве таможенник говорил прекрасно, без малейшего акцента, в отличие от бойкого, но косноязычного Степашки. – И где же ваш... э-э... крепостник? Хозяин? Или его доверенное лицо? В бега податься решили?

– Да ни боже ж мой, ваше высокоблагородие! – всплеснул руками Степашка, честный, как святой под присягой. – Пан директор с нами летит. У него, значит, и доверенность, и паспорт, и все бумаги...

Таможенник позволил себе скептическую ухмылку.

– Вы прилетели, а директор, значит, летит? Кстати, директор *чего*?

Уловив не слова, а интонацию, к офицеру живо подтянулась пара рубежников с шевронами сержантов, синхронно сплюнув бетельную жвачку в утилизатор. Их пояса оттягивали кобуры, из которых грозно торчали рукояти мультирежимных разрядников «Тарантул». Рядом болтались браслеты силовых наручников.

Возможно, в другое время и в другом месте эта парочка в алых форменных шортах выглядела бы комично, но только не в данном случае. Рубежник или полицейский при исполнении редко располагает к веселью. Особенно если ты – объект его профессионального интереса.

– Здесь я! Прощу прощения, задержался! Багаж получал...

Лючано грубо растолкал очередь и предстал перед тамо-

женником, торопясь извлечь необходимые документы.

– Кто вы такой?

– Лючано Борготта, полноправный гражданин. Директор «Вертепа», художественного театра контактной имперсонации графа Мальцова.

– Паспорт? Доверенность?

– Извольте.

– Надзорное обязательство?

– Вот.

– Приложите ладонь к идентификатору.

Лючано приложил.

Толстогубое лицо таможенника ничего не выражало. Лишь слегка раздувались ноздри широкого приплюснутого носа, украшенные должностной татуировкой. Вудун словно к чему-то принимовивался. На табло портативного идентификатора он не смотрел: информация в расширенном объеме подавалась на биолинзы-симбионты офицера. Разглядеть их не представлялось возможным, но Тарталья был наслышан о таможенных профессиональных аксессуарах.

«Пусть он не дочитает до отметки про судимость, – молится про себя Лючано. – А если дочитает, пусть не сочтет препятствием для въезда на Китту! Визу дали без проблем, теперь главное, чтоб этот не уперся...»

Спустя минуту лицо офицера ожило. Он приветливо улыбнулся:

– Все в порядке, баас Борготта. Благодарю за сотрудниче-

ство. Итак, сколько... м-м... крепостных в вашем театре?

– Одиннадцать человек. Список есть в доверенности и в надзорном обязательстве. Доверенность генеральная, на пять лет. Прошу обратить внимание.

– Вижу. Поставьте багаж на транспортер. Вы не возражаете, если моя мамба его проверит, пока мы с вами уладим все формальности?

– Не возражаю.

Теперь офицер обращался только к Лючано. Остальные перестали для него существовать. Крепостные. Почти рабы. Почти вещи.

– Перед досмотром не желаете сделать заявление? Наркотики? Радиоактивные материалы? Взрывчатые вещества? Опасные амулеты?

– Нет.

– Яды? Аккумуляторы ёмкостью выше 5-го класса?

– Нет.

– Оружие мощностью выше 2-го гражданского значения?

– Церебральный парализатор «Хлыст». 1-е гражданское значение, разрешения не требуется. Больше ничего.

– Покажите, пожалуйста.

Тарталья открыл саквояж и продемонстрировал таможеннику маленький парализатор установленного образца. Ортопедическая рукоятка из черного пластика, короткий титановый ствол, хромированный спусковой крючок; под прозрачной накладкой – гематрическая печать разрешенной мощно-

сти.

Вудун кивнул, сверкнув серьгой в правом ухе.

– Закрывайте. Итак, баас Борготта, вы – директор театра. Актеров вижу. А где ваш реквизит?

Когда и каким образом таможенник отдал приказ мамбе, Лючано не заметил. Просто смертоносная змея длиной в полтора человеческих роста вдруг пришла в движение. Она плавно стекла с поясного крюка на транспортер и с тихим шелестом заструилась меж сумок, чемоданов и рюкзаков трупы, то и дело высывая раздвоенный язычок и тыча им в сваленные грудой вещи. Зрелище завораживало. Тарталья с заметным усилием оторвал взгляд от мамы, выпустив ее из поля зрения.

– А мы и есть – реквизит, – пожал плечами он. – Повторяю, у нас театр контактной имперсонации. Кукольники мы. На профессиональном жаргоне – невропасть. Никогда не слышали?

– Кажется, что-то краем уха... – неуверенно протянул офицер. – Можете пояснить вкратце?

Похоже, ему очень хотелось спросить: «Где же тогда ваши куклы?» – но он боялся выставить себя полным идиотом.

– Если вкратце, то невропасть нашего профиля на сцену не выходят. Они всего лишь помогают заказчикам осуществить их прихоть. Вступают в контакт с клиентом и оказывают необходимое содействие. Суфлер, балетмейстер, режиссер и психоаналитик в одном лице, если совсем грубо.

– О! – на иссиня-черном лице таможенника возникло понимание. – Нечто вроде одержимости Лоа?

– Вы нас переоцениваете, офицер. Скажу честно: мы всего лишь развлекаем почтенную публику. Наше скромное искусство не идет ни в какое сравнение с талантом вашей расы...

Капелька лести на таможене еще никому не вредила.

Главное, соблюсти меру.

– Вот, не желаете бесплатный буклет? Там написано более подробно. Есть короткие эпизоды из постановок, разрешенные клиентами для распространения...

– Спасибо, – офицер принял буклет. – Ознакомлюсь на досуге. Желаю удачных гастролей.

Мамба вернулась на поясной крюк. Сержанты, видя, что их вмешательство не требуется, потеряли интерес к происходящему, отошли в сторонку и вновь принялись меланхолично жевать бетель. Однако Лючано по опыту знал: при малейшем намеке на проблему сержанты очнутся и ревностно приступят к исполнению служебных обязанностей.

– Ваши документы, баас Борготта. Добро пожаловать на Китту.

– Благодарю.

Лючано на всякий случай удостоверился, что при активации паспорта над ним немедленно всплывает шарик визы (на Китте шарик напоминал бусину из аксарской бирюзы), а в справках трупы стоят обычные голографические печати –

и лишь тогда двинулся к выходу.

Слегка чесалось левое запястье: браслет-татуировка давал знать, что перешел на местное время. Тарталья мельком взглянул на часы. Сейчас на сгибе кисти, как всегда по прибытии на очередную планету, «накалывался» второй циферблат с киттянской градуировкой. Сутки на Китте были длиннее стандартных, и вудуны избрали самый простой способ их деления: разбили на двадцать четыре часа. Только каждый час состоял не из шестидесяти, а из семидесяти пяти минут.

Коэффициент перевода – 1,25.

Адаптировать организм будет несложно: в первый раз, что ли? Труднее всего ему пришлось на Тишри, одной из планет гематров, где Лючано гастролировал вместе с «Filando» под руководством маэстро Карла. У «ходячих компьютеров» оказалось целых семь систем счисления, в том числе десятичная и двоичная – в разбивке суток. После этого семьдесят пять минут в часе на Китте – детская забава.

В конце пустого коридора их ждал лифт. Обычный механический лифт с компенсаторами инерции, чему Лючано про себя порадовался. Он не любил квазиживых подъемников, силовых коконов, открытых антигравов и тому подобной экзотики.

Просторная кабина вместила всю труппу с ее скудным багажом.

– Идем на стоянку общественного транспорта, – распорядился Лючано.

Четыре треугольных «лепестка» плавно скользнули навстречу друг другу, образовав монолитную стену – и раскрылись опять. Движения никто не ощутил, как и должно быть при исправно работающих компенсаторах. Снаружи рухнул ослепительно-голубой свет. Лючано поморщился, извлекая из саквояжа поляризационные очки.

Мельком он позавидовал таможенникам, чьи биолинзы сами подстраивались под спектр и освещенность.

III

– Сюда, бвана! Сюда!

Со стоянки им махал рукой пигмей-извозчик. Всю его одежду составлял пояс из радужных пушистых перьев, скромно прикрывавших чресла, и ожерелье из раковин. Перья и раковины были натуральными – вудуны не жаловали синтетику. Кроме аэромоба, антикварной конструкции с плетеными из тростника сиденьями, никакого иного транспорта на стоянке не наблюдалось.

«Небось, цену заломит», – нахмурился Лючано, готовясь к торгу.

– Не сомневайтесь, прокачу с ветерком! Куда едут уважаемые бвана?

– В город. 7-я кольцевая, Синий крааль, отель «Макумба».

Извозчик задумался, изображая бешеную работу мысли. Из его пернатого пояса выбрался мохнатый паук, резво про-

бежал по животу пигмея, по груди, украшенной орнаментальными шрамами, – и исчез в роскошной копне волос, скрученных в бесчисленные плотные спиральки.

Прическа извозчика смахивала на грудку лакированных пружинок.

А сам извозчик смахивал на изрядного прохвоста.

– Сорок эю, бвана, – теперь он обращался уже только к Лючано, игнорируя всех остальных. В отличие от таможенника, пигмею не требовались паспорта и справки, чтобы без ошибки оценить ситуацию. – Дешевле не бывает!

– Мы не очень-то спешим, уважаемый. Пожалуй, лучше дождемся монорельса.

Тарталья демонстративно потянулся, хрустнув позвонками, с лентой огляделся по сторонам. Смотреть было не на что: над головами громоздились разноцветные кубы, цилиндры и призмы терминалов космопорта, растянувшись на пару миль в обе стороны. Шагах в ста возвышалась ажурная эстакада с прилепившейся сбоку станцией монорельса. К станции вела пульсирующая кишка квазиживого подъемника.

Горячий ветер гонял по пустой стоянке миниатюрные смерчки пыли.

– Медлительный бвана, должно быть, очень-очень не спешит! Монорельс отправится только через два часа. Исключительно для моего бваны – тридцать шесть.

– Я вообще никогда не спешу. Двадцать.

– Мудрый бвана не умеет считать! Целых двенадцать

человек, толстых, упитанных, чрезвычайно тяжелых гостей Китты – и каких-то жалких двадцать экю? Так бедный Г'Ханга никогда не заработает своей семье на пропитание!

– Не ври, у тебя нет семьи. Ни одна женщина не согласится на такое счастье.

– А разве одинокому человеку не нужен кусок хлеба каждое утро?

– И калекс пальмовой браги каждый вечер. Одинокий человек получит двадцать четыре экю. По два экю за художного, легкого, как перышко, пассажира. Два умножаем на дюжину, и Г'Ханга едет, а не морочит голову мудрому бвана.

– А багаж? О, такой увесистый, такой обильный багаж!

– Двадцать пять.

Торгуясь, Лючано всем видом выказывал полное безразличие. Он стоял, засунув руки глубоко в карманы, не шелохнувшись, затемнив очки до максимума и напустив на лицо выражение вселенской скуки. Лишь губы скупно выплевывали слова. Зато извозчик старался за двоих: части тела пигмея находились в постоянном движении. Г'Ханга словно исполнял сложный ритуальный танец, внутри которого пряталось еще дюжина «тайных» танцев: отдельно для ступней ног, кистей рук, живота, бедер, высунутого языка, покрытого татуировкой. Вместе все это складывалось в завораживающую композицию со сложным ритмическим рисунком, не давая отвести взгляд, притягивая, засасывая...

Обычные штучки местных.

Тарталья не зря смотрел в сторону: пляски хитроумных вудунов обладали гипнотическим действием. После них навивный турист, опомнившись, искренне изумлялся: что на него нашло? С чего бы это он выложил за сомнительную безделушку, стакан кислого пива или короткую поездку в тряском аэромобе такие большие деньги? Да еще радовался, как ребенок, в ладоши хлопал...

– Тридцать пять, из почтения к великому бвана!

– Двадцать один. Скоро монорельс, а торг с тобой скрашивает мне минуты ожидания.

Видя, что его ухищрения не действуют, а упрямый клиент начал сбавлять даже объявленную раньше цену, Г'Ханга прекратил танцевать. Особо огорченным пигмей не выглядел.

– Тридцать три из любви к великолепному бвана!

– Двадцать пять. Ты мне надоел, уважаемый.

– Тридцать!

– Я лучше пойду пешком. Двадцать пять.

– Оплата вперед?

– Хорошо. Но только не наличными, не надейся. Иначе твоя колымага «сломается» на полпути. Перечисление с подтверждением, и никак иначе.

– Бвана даст карточку бедному Г'Ханга.

– Бвана ничего тебе не даст. Бвана все сделает сам.

При входе на платформу, слева от панели управления, было укреплено чучело лягушки-рогача. Лючано собственноручно вставил кредитку банка «Мар Гершль» в беззубый рот

рептилии; при помощи рожек-джойстиков набрал оговоренную цифру. Лягушка сыто квакнула, фиксируя перечисление оплаты на счет извозчика. Следующий «квак», долгий и протяжный, уведомил пигмея: если клиент не подтвердит, что его благополучно доставили, куда следует – трансфер аннулируется в течение двух часов.

– Занимайте места, – скомандовал Лючано. – Давайте, шевелитесь!

Невропасты «Вертепа» дружно полезли в аэромоб, волоча кладь и толкаясь.

Сам Тарталья сел рядом с извозчиком.

Аэромоб завибрировал, затрясся мелкой дрожью, чуть слышно гудя, и плавно взмыл над площадкой. Пигмей извивался перед панелью управления, словно гибрид спрута с многоруким брамайнским идолом, имя которого Тарталья забыл. Создавалось впечатление, что в теле Г'Ханги нет и никогда не было костей. Впрочем, Лючано давно привык к невероятной гибкости вудунов.

По всей видимости, двигун машины сейчас питал один из местных Лоа. Иначе в подобных ухищрениях не возникло бы надобности.

– Куууум! – истошно заорал пигмей.

Без предупреждения аэромоб прыгнул вверх, футов на двести. У Лючано перехватило дух. Компенсаторов инерции на этом антиквариате предусмотрено не было.

– Я обещал с ветерком! – белозубо осклабился извозчик,

на миг вывернув голову едва ли не лицом назад. Он не мог отказать себе в удовольствии видеть бледных, испуганных пассажиров. – Держись, неторопливый бвана!

И платформа рванула вперед.

Кукольников вдавило в спинки кресел. В лицо ударил обещанный «ветерок». У тех, кто поленился надеть очки, сразу заслезились глаза. Однако вскоре полет замедлился. Лючано обнаружил, что они плывут под самой эстакадой монорельса. Из покатога возвышения, размещенного в центре аэромоба, выстрелила штанга магнитного захвата, из штанги выехал на шарнире вогнутый сегмент со скользящими контактами – и накрепко прилип к монорельсу.

– Поезд нескоро, – хихикнул извозчик, корча рожи, одна кошмарнее другой. Находишь рядом опытный резчик масок, он проникся бы вдохновением на сто лет вперед. – Так быстрее будет.

«И дешевле, – оценил хитрость пигмея Тарталья. – Этот танцор своего не упустит. Не удалось ввести в транс „мудрых бвана“ – подключился к городской энергомагистральной. Похоже, тут многие так делают. А власти смотрят на подобные художества сквозь пальцы. Иначе б поостерегся, наглец».

Аэромоб заскользил по монорельсу, набирая скорость и вписываясь в изгиб эстакады. Теперь они оказались выше зданий космопорта. Перед «Вертепом» открылся величественный вид на космодром, скрытый ранее терминалами. Как раз в этот момент небо прочертила ослепительная синяя

молния-вертикаль, струясь по краям зыбкой желтизной – и серебристое веретено с нанизанными на него семью шарами, сверкнув в вышине, как гирлянда детских игрушек, умчалось прочь с Китты.

«Корабль брамайнов», – отметил Лючано.

На бескрайнем взлетном поле, уходившем к горизонту, грузились, разгружались, принимали или выпускали пассажиров, ждали очереди на старт и проходили регистрацию корабли едва ли не всех известных в Галактике типов.

Тарталья потер дужку очков, давая увеличение.

Приплюснутые сферы тилонских рудовозов – такой «таблеткой», грузоподъемностью в миллионы тонн, пожалуй, и ракшас подавится. Черные конусы конверторных галеонов – новейшая совместная разработка техноложцев с Бисанды и гематров с Элула. А вот чисто вудунская экзотика: «паутинный» рейдер. Сейчас, в свернутом виде, он напоминал кокон из тонких металлических нитей, внутри которого смутно угадывалось матовое «ядро». Рядом готовился к отлету патрульный «Ведьмак»: плотная связка титанокерамических сигар разной длины и толщины ошетичилась стержнями гравипупов, венчиками полевых детекторов, орудийными башнями, плазменными батареями, межфазниками, а также всевозможными отражателями и поглотителями.

Возле крейсера, как дочь возле отца, сжималась и опадала, меняя цвет с лазури на индиго, типовая грузовая «гармошка». Определить ее принадлежность не представлялось

возможным: дальнобойщиков производили по лицензии где угодно.

Изящные каплевидные абрисы прогулочных яхт радовали глаз. Надменно задрала в небеса раздвоенный нос галера помпилианцев...

А это еще что такое?!

Подобную конструкцию – гладкий, монолитный цилиндр темно-багрового цвета – Лючано видел впервые. Корабль деловито наполнял чрево: в нижней части цилиндра зиял прямоугольный вход, куда по пандусу двигались портовые тракеры, исчезая в недрах звездолета.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что от ближайшего рассмотрения груз корабля хорошо защищен камуфляжной оптической иллюзией. В области иллюзий вудуны слыли большими доками. Но можно было утверждать с уверенностью: корабль наполнялся содержимым далеко не мирного свойства. Вон, кстати, и охрана... Скользнув взглядом выше, Лючано разглядел герб на обшивке: веревка с тремя узлами охватывает стилизованный язык пламени.

Вехдены.

Хозяева Огня.

Те самые, чья империя сейчас трещит по швам, на радость гиенам из программ новостей. Небось, криогенные бомбы грузят – «горячие точки» охлаждать.

– Мама моя родная! Дома расскажу, не поверят!

– Вниз не свались, сказитель! – одернул Лючано возбуж-

денного Никиту: конопатый ротозей навис над поручнем, пожирая глазами открывшееся ему зрелище. – Разобьешься, платить за лечение не стану. Мудрый бвана не лечит дураков.

– А что делает мудрый бвана с дураками? – кокетливо спросила блондинка Анята.

Она с самого начала всеми способами норовила показать, как равнодушна к директору театра. Лючано не исключал, что в Анятиной симпатии есть изрядная доля расчетливости, и потому до сих пор не решил: отвечать взаимностью или погодить?

Если расчет, можно соглашаться.

А если это любовь – ну ее куда подальше...

– Дураков бвана хоронит за казенный счет, – буркнул Тарталя, подводя итог разговору.

Эстакада вновь плавно изогнулась, скрывая космодром.

Контрапункт Лючано Борготта по прозвищу Тарталья (сорок лет тому назад)

Иногда мне кажется, что реальные события и воспоминания о них имеют между собой мало общего. Прошное – спектакль. Каждый раз его приходится играть заново. Вспоминая, я беру в руки и заставляю танцевать незнакомую куклу, другую, совсем не ту, что танцевала вчера или на прошлой неделе. Комплексы, невроты, возрастные изменения, застенчивость и гордыня, сомнения и уверенность – все новые нити тянутся к кукле, прорастая в колени, локти, виски, стопы и ладони. Я чувствую: они щекочут тело памяти. Кукла пляшет, как взбесившийся шаман, дергая конечностями и содрогаясь в конвульсиях, а я думаю:

«Это я? Неужели это я?»

И радуюсь, что завтра, когда мне взбредет в голову блажь снова окунуться в реку времени, я буду иной: и тот, который смотрит из неподвижного сегодня, и тот, который пляшет в изменчивом вчера.

Тетушка Фелиция учила, что марионеток нельзя хранить в сундуке или ящике. Марионетки должны висеть на специальном крюке. Это правильно, утверждала тетушка

Фелиция. В детстве я не понимал: почему? Сейчас я вырос и частично согласен с тетушкой: мы танцуем, пока однажды нас не положат по ошибке в ящик. Но висеть – тоже удовольствие не из первых...

Дорога была сельской простушкой.

Что делают сельские простушки? – то же, что и все. Банальность за банальностью. Вот и дорога честно петляла между холмами, взбираясь сперва на один, затем на другой, тонула в рощице ложных криптомерий, огибала луг, кровавый от буйно цветущих маков, и вприпрыжку бежала дальше, подставляя спину лучам солнца.

У озера Мон-Тарле, где на искусственных плавучих грядах, сплетенных из водорослей и корней гиацинтов, росли помидоры, дорога сделала небольшую передышку. Но вскоре снова ринулась вперед, победно размахивая веером из тончайшей пыли. Если ближе к городу, где имелся самый настоящий, хоть и маленький, космопорт, дорога еще кое-как старалась вести себя прилично, прикидываясь светской львицей, то чем дальше от окраин Борго и ближе к Рокка-Мьянме...

Так и хотелось сказать дороге: «Стой, красотка!» – сладко потянуться и рухнуть в душистые травы, глядя на приятно сдобные облака. Ну, допустим, сказали. Допустим, даже рухнули. Лежим, получаем удовольствие. Минуту получаем, три минуты. Пять. Что дальше?

Дрын-дырын-дын-дрдыдын...

Облака зачерствели. Травы приувяли. Маки качнули роскошными головками. Сгорбились криптомерии в роще. Дрыннн-дыдыннн-дрынды... ды-ды-дыннн... С ветви хинного дерева, держась хвостом, свесился золотистый гиббон. Злобно махнул лапой, затянутой от кончиков пальцев до запястья в белоснежную перчатку, и перепрыгнул на сосну. Настроение у франта-гиббона было испорчено минимум до вечера.

Кто бы мог подумать, что таратайка на шести колесах способна производить столько грохота!

Ездовая платформа решительно не вписывалась в буколический пейзаж. Лязгая и дребезжа, она чудесно, а главное, органично смотрелась бы в сотне иных мест. Но здесь, в патриархальной глуши, платформа выглядела более нелепо, чем прыщ на лбу красавицы Ваноры Рамболи, героини популярного голо-сериала «Любовь и грезы».

– Ах ты, досада!.. руина ходячая...

Мнение о чуждости ездовой платформы окрестностям Рокка-Мьянмы разделял и ее водитель. По виду нездешний, скорее всего, турист, он ловко орудовал рычагом управления.

Не тащиться же пешком от космопорта в эдакую даль?

Водителя звали Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих. Еще пять часов назад он летел на вполне комфортабельной пассажирской шхуне «Ласточка» с Таррузы, планеты в системе

Трех Солнц, на Таррузу, тезку планеты отбытия, но расположенную совсем в другом месте Галактики. У него был паспорт с доброй сотней визовых отметок, честно купленный билет 2-го класса, каюта без соседей, скидка на коктейли в баре и теплые отношения со stewardом Кристофером, любителем игры в криббедж. Его хорошо проводили при отлете и с надеждой ожидали в конечном пункте. Все складывалось наилучшим образом и не предвещало проблем.

А сейчас у Карла Марии Родерика и так далее имелся в наличии целый день, который некуда девать, задержка в космопорте Борго, извинения капитана «Ласточки», принесенные всем пассажирам в письменном виде, и ездая платформа с артритными сочленениями, взятая в аренду у местного проходимца-механика за пол-флорина в час.

И все из-за того, что где-то на трассе активизировались флуктуации класса 2А-7+, они же «гули-гули», и направление оказалось «временно заблокировано».

– Жизнь неумолимо налаживается, – сказал Карл сам себе.

Этой поговоркой он частенько успокаивал расхолодившиеся нервы.

– Дурындын! – согласилась платформа, подскочив на выбоине.

Не выдержав, Карл остановил подлую тварь, спустился на землю и зашел к платформе с тыла. Здесь, прямо на огражденном поручне, хотя инструкция категорически возража-

ла против такого вопиющего разгильдяйства, была наклеена гематрица, полученная в гараже. Краешек гематрической печати, сообщавшей платформе энергию для движения, отклеился и трепыхался на ветру.

– Ах ты, досада! – повторил Карл, вздыхая.

Его костюм, украшенный металлизированным галуном на обшлагах и отворотах, промок от пота. А шляпа с лентой, из-за которой торчала искусственная роза, покрылась пылью.

– Руина, чтоб тебя...

Будь платформа оборудована стандартным двигуном, он же «двигатель универсальный» – отклеившийся край гематрицы не играл бы особой роли. А так, когда энергия печати взаимодействует с таратайкой напрямую, без рукотворных посредников – даже крошечное, самое пустячное отклонение...

И клея, как назло, нет.

Карл послунил палец, смочил слюной треклятую гематрицу и прижал к поручню. Поначалу все выглядело лучше некуда. Но стоило налететь легкому ветерку – и гематрица вновь заполоскала флагом неповиновения.

Механик в гараже, арендуя досточтимому клиенту «лучший кабриолет на планете», заверял, что езда на «лучшем кабриолете» – сплошное удовольствие. В эти минуты механик выглядел человеком, заслуживающим доверия. Как подсказывал жизненный опыт Карла, именно таким людям следует доверять в последнюю очередь.

К сожалению, в данном случае жизненный опыт опоздал с подсказкой.

Лицо Карла исказила гримаса раздражения. Это лицо, сотканное из противоречий, казалось, было создано для различного рода гримас. «Не дурак выпить!» – утверждали красные склеротические жилки на кончике носа. «Но меру знает!» – возражали живые, любопытные глазки, ярко блестя из-под лохматых бровей. «Повидал разное!» – вмешивались в разговор морщины на лбу, подведенные согласно моде темно-бордовой краской. «А толку?» – насмехались губы, пухлые и наивные, как у ребенка. «Действительно...» – соглашалась трогательная ямочка, абсолютно неуместная на волевом, лошадином подбородке.

Этот спор мог длиться вечно. Во всяком случае, до тех пор, пока некий Карл Мария Родерик О'Ван Эмерих коптит небеса.

– Зар-раза! – вдохновенно подвел итог Карл, делая неприличный жест.

– Синьор! А вы её жучиной смолкой! – посоветовали из-за кустов клеродендрума.

Карл повернулся к кустам. Жесткие листья, заостренные и зубчатые по краю, отбивали охоту не только прятаться в их гуще, но и подходить близко.

– Чем? – спросил он у доброжелателя-невидимки.

– Смолкой!

– Это я понял, – говорить с кустами было непривычно. –

Какой смолкой?

– Липучей!

Из кустов, сияющий и исцарапанный, выбрался мальчишка лет семи. Правой рукой он держал здорового жука-скорняка, крайне недовольного таким обращением. Сдав жуку брюшко, юный советчик подставил палец к той стороне жука, которая находилась дальше всего от головных «ножниц»: роскошных, с королевскими зазубринами.

– Смотрите, синьор!

Карл Эмерих не успел вмешаться. Прыгнув к платформе, мальчишка молниеносно измазал «жучиной смолкой» отклеившийся край гематрицы и прижал печать к ограждительному поручню. Платформа вздрогнула, подскочила на месте и перестала подавать признаки жизни.

«Приехали, – оценил Карл ситуацию. – Жизнь наладилась. Неумолимо».

– Красотища! – без церемоний выкинув жука обратно в кусты, мальчишка забрался на платформу, не ожидая приглашения. – А вы, синьор, меня за это подвезете. И дадите рычаг подергать.

– Тебе куда?

– В Рокка-Мьянму! К тетушке Фелиции!

– А ты уверен, что мы сможем поехать к тетушке Фелиции?

– А то!

В доказательство мальчишка пнул рычаг босой ногой. По

счастью, не очень сильно – тронувшись с места, платформа раздумала набирать скорость, проехала метров десять и остановилась.

Карл отметил, что шла платформа тихо, без звука, как послушная девочка рядом с матерью.

– Ну ты гений... – тремя прыжками он догнал «кабриолет», забрался в кресло водителя и взялся за рычаг с твердым намерением оградить управление от пинков малолетнего умника. – Тебе повезло, нам по пути.

– Это вам повезло, синьор...

Они миновали плантацию древовидных медоносов, обвитых плющом-сладкоежкой. С плетей свисали лазурные гроздья цветов. Над плантацией кружили птицы, истребляя орды бабочек. Как знал Карл из туристического справочника, от скуки прочитанного в зале ожидания, трижды в год плющ обрывается здешними крестьянами и идет в давящую. А из полученного сока делается крепкий алкоголесодержащий напиток с легкой примесью галлюциногенов.

Напиток широко рекламировался в кафетериях космопорта.

Пробовать его Карл не рискнул.

– Как тебя зовут, парень?

– Лючано. Лючано Борготта. А вас, синьор?

– А меня – Карл Мария Родерик... Короче, зови меня синьором Карлом, и не ошибешься.

– У вас тут наша кукла, синьор Карлос...

– Хорошо, пусть будет Карлос... Посто́й-ка! В каком это смысле: ваша?

Карл обернулся через плечо. Случайный попутчик успел без спросу распотрошить его сумку и сейчас держал в руках марионетку, купленную Эмерихом в лавке поблизости от космопорта. Марионетка изображала комичного брамайна: голого, смуглого, бородатого, в набедренной повязке.

Гематрическая печать на коромысле марионетки, если дать ей один щелчок, приводила нити в движение, вынуждая куклу двигаться в танце. Два щелчка, и марионетка замирала без движения. Простенькая, дешевая гематрица, с ограниченным комплексом задач. Для игрушки – в самый раз.

Карл собирался подарить смешного брамайна одной капризной дамочке, чьей благосклонности добивался давно, с переменным успехом. Дамочка любила такие штуки. Впрочем, у него на куклу были еще и особые виды, ради которых «синьор Карлос» и предпринял путешествие в Рокка-Мьянму, пользуясь вынужденной задержкой.

– Ну, наша, – мальчишка потряс куклой, словно это все объясняло. – Я вам точно говорю, синьор Карлос: наша, и никаких смыслов...

Нити злополучного брамайна свисали из кулака нахала.

– Эта кукла моя, – медленно, словно говоря с умственно неполноценным, сообщил Карл, стараясь вполглаза следить за дорогой. – Я купил ее в лавке. У торговца. Заплатил деньги, и все такое.

– Эта кукла наша, – мальчишка кивнул невпопад, как если бы соглашался. Прядь иссиня-черных волос упала ему на лоб. – Мы ее сделали. Тетушка Фелиция и я. А вы ее купили. Сначала мы ее сделали, а потом уже вы ее купили, синьор. Поэтому она сперва наша, а после – ваша. Вы не бойтесь, я не стану ее у вас отбирать. Я ради правды.

– А я и не боюсь. Говоришь, тетушка? А кто твои родители?

– Сирота я.

Ответ юного умника прозвучал с исключительным равнодушием. Чувствовалось, что к сиротской доле Лючано привык и особых неудобств не ощущает.

– Мамаша родами умерла, я ее и не знал-то вовсе. А папаша на шняге летал, на «Крошке Сьюзен», вторым пилотом. Контрабанду возил: табак, жжёнку, «горячие пальчики». С кем надо, не поделился, его и зарезали в прошлом году.

Лючано почесал в затылке и подвел итог:

– Хорошо, что зарезали.

– Хорошо? Почему?

– Так он ведь граппой нальется по самые уши и задницу ремнем порет...

Остановив платформу, Карл повернулся к мальчишке. Возможно, подумал он, судьба решила возместить мне часть моральных убытков, связанных с задержкой рейса. Исцарапанный болтунишка Лючано – это шанс не тратить лишнее время на поиски изготовителя марионеток, опрашивая всю

деревню и натываясь на врожденную скрытность крестьян, родившихся и выросших в глухом захолустье.

– Ты – невропаст?

– Кто? – обиделся мальчишка. – Сами вы, синьор...

– Нет, ты меня неверно понял!

– Верно я вас понял. Верней некуда. Пустите, я слезу... лучше пешком дойду...

– Да погоди ты, дурила! Ты умеешь ей управлять? Марионеткой? Если покажешь мне, как это делается, я дам тебе флорин. Целый флорин, а?

Теперь уже мальчишка, забыв, что собирался оставить платформу и топать пешком, смотрел на Карла, как на умалишенного.

– Я не вру. Покажешь, как управлять куклой, и я дам тебе флорин. Честное слово.

Вместо ответа Лючано перехватил брамайна за коромысло, звонко щелкнул по гематрице – и кукла затанцевала.

– Давай флорин, – сказал маленький прохвост.

– Так я и сам могу, – Карл кинул ему монету. Денег было не жалко. Жалко было, что мальчишка его обманул, сам того не желая. – Так любой может. Мне бы по-настоящему, без печати. Чтоб невропаст... гм-м-м... Чтоб кукольник, за нити... Эх ты, хитрец!

Лючано с сочувствием шмыгнул носом.

– А-а... Нет, синьор, за нити я не умею. Тетушка Фелиция умеет. А меня не учит: говорит, никому это теперь не нужно.

Хотите, я познакомлю вас с тетушкой? Она вам покажет. Вы ей дадите за это флорин, а мне еще четверть флорина, за расторопность.

Кивнув, Карл забрал у мальчишки фигурку брамайна. Двумя щелчками остановил марионетку, взгляделся в потешное личико: длинный горбатый нос, жалобные глаза коровы. Обычная бесстрастность, свойственная расе брамайнов, здесь превращалась в страдальческое ожидание. Словно игрушка предвидела неприятность, но надеялась: а вдруг пронесет мимо?

– Я помогал делать голову, – мальчишка, похоже, долго молчать не умел. – Голову и лицо. Нос я вообще делал один, без тетушки. Я всегда знаю заранее, какое должно быть лицо. А получается не всегда. Вот скажите, синьор Карлос, отчего так: знаешь, а не получается? Тетушка говорит: я, когда работаю, рожи корчу. А я не рожи корчу. Я кукле родиться помогаю, как бабка Эльяса – ребеночку.

Потянув рычаг на себя и закрепив его в гнезде, Карл остановил платформу у обочины. Из-под колес во все стороны прыснули зеленые стрекунцы: должно быть, тут у них было гнездо. Развернув кресло водителя спиной к дороге, Карл снял шляпу, положил ее на колено и наклонился к юному попутчику.

– Ты в своем уме, парень? Корчишь рожи, помогая кукле родиться?

– Ага. Я же не свои рожи корчу! – я ее рожи корчу, ку-

кольные. Просто та рожа, которая у меня в голове, она лучше. И той, что корчится, и той, что у куклы. Да вы все равно не поймете! Никто не понимает. Дразнятся, насмеваются. Говорят, у меня в темечке дырка, и в нее вороны гадят. Поехали лучше, чего на жаре сидеть...

– Нет, отчего же... я как раз пойму...

Это судьба, с ледяной, трезвой внезапностью понял Карл Эмерих. Это она, Большой Невропаст, в чьих руках – все наши нити. Главное, не сопротивляться. Иначе судьба потеряет к тебе интерес, перестанет управлять тобой вручную и просто щелкнет по гематрице, отвернувшись. Дергайся, брат, повинуйся слепой механике! – извините, мы уж лучше под живой рукой... Оно надежней. И приятней, если честно.

– А давай в «корчи» сыграем?

– На деньги? – деловито осведомился Лючано. – Если на деньги, я согласен.

И лишь после этого спросил:

– А что такое «корчи»? Как в них играют?

– Будем рожи друг другу корчить. Один корчит, второй помогает. По очереди.

Мальчишка тоненько захихикал:

– Ищите дурака... А как мы узнаем, кто выиграл?

– Узнаем, – с непонятной интонацией сказал Карл, и баболом Лючано на этот раз не стал спорить, а кивнул, соглашаясь. – Непременно узнаем. Ты не волнуйся, свои деньги ты получишь в любом случае.

– Тогда ладно, – успокоенный, согласился Лючано. – Тогда я буду корчить.

Главное, подумал Карл, он не спросил, как это: помогать? Он не спросил. Деньги, ищите дурака... А про главное не спросил. Похоже, все-таки судьба. Смешно: задержка в космопорте Борго, марионетка в лавке, отклеившаяся гематрица, мальчик в кустах...

Готовый сюжет для будущей драмы.

Или комедии, если мы ошиблись.

– Так ты согласен? – поинтересовался Карл, делая вид, что не заметил двух предыдущих согласий мальчишки. Третье – обязательное. В контракте согласие клиента всегда заверяется трижды, тремя подписями.

– Ну я же сказал! Кто первый?

– Первый – ты. Корчи рожу, а я стану помогать.

И снова Лючано ничего не спросил. Надул щеки, взялся пальцами за мочки ушей, растягивая их в стороны и вверх, выпучил глаза, став похож на бешеную жабу. Карл нахмурил брови, чувствуя, как на лысине, открытой солнцу, выступают капельки пота. Контакт был, но обычный, как всегда.

Ничего особенного.

Впрочем, Карла мало заботило, какая рожа получится у Лючано при его «помощи». Куда важнее другое: какая рожа получится у Карла при содействии Лючано?

Наверное, со стороны они выглядели парой идиотов.

– Теперь вы, синьор Карлос!

– Хорошо.

Не особо стараясь, Карл высунул язык, зажмурил левый глаз и пристроил к затылку растопыренную пятерню на манер короны. Лючано с презрением захихикал.

– Теперь я!

Рожа, которую он скорчил на этот раз, не поддавалась описанию.

Карл наклонился вперед, делая вид, что старается помочь. На самом деле он изо всех сил прислушивался к контакту, возникшему между ним и мальчишкой. Если в негоднике кроется талант невропаста, сейчас наступает важнейший момент испытания.

Миг правды.

– Теперь вы, синьор! Только у вас что-то не очень...

– Это потому, что ты мне не помогаешь.

– Я помогаю!

– Значит, плохо. Постарайся, а? Иначе мне тебя ни за что не догнать.

– Ладно...

Указательным пальцем левой руки Карл вздернул себе кончик носа, копируя пяточок свиньи. Большим и средним пальцами он раздвинул углы рта и злобно оскалился. Затем свел взгляд к переносице...

Есть!

Подсказка была вялой, еле ощутимой. Кто-то другой, скорее всего, вообще не заметил бы внешнего суфлирования. А

даже заметив, не сумел бы трансформировать в конкретный жест. Кто-то другой, но не опытный невропат, способный усилить самый слабый намек. Сидящий напротив мальчишка напрягся, и Карл отчетливо почувствовал, как посторонний толчок неловко, неумело поднимает ему правую руку – собственную руку Карла Марии Родерика О'Ван Эмериха! – и кладет ладонь на голову, так, чтобы пот потек по лбу, а пальцы гребешком свесились над бровями.

– Славная рожа, синьор! – радостно завопил Лючано.

Но быстро сообразил, что к чему, и поправился:

– А у меня все равно лучше. Вы не расстраивайтесь, синьор Карлос. Вы старались. И я помогал, аж устал. Деньги давайте, чего тянуть...

Если бы Карл Эмерих с каждым флорином расставался, радуясь так, как сейчас, он давно бы разорился и скончался в нищете.

* * *

– Семнадцать нитей, – сказала тетушка Фелиция, подвешивая фигурку брамайна на специальный крючок. – Всего семнадцать. Больше я не умею. Знаете, синьор, мой дед в одиночку управлялся с шестью десятками. Представляете: шестьдесят нитей?

Карл кивнул.

Шестьдесят нитей? – да, конечно! Хоть сто! После чудес,

какие вытворяла с марионеткой, лишенной гематрицы, эта полная, круглолицая женщина средних лет, он был готов поверить во все, что угодно. День исполнения мечты. Заветной, сокровенной мечты, с которой Карл уже почти распростился, утратив надежду.

Искусство ручного управления куклой.

Утерянное и забытое.

Искусство, с детства кормившее Карла Эмериха, директора театра контактной имперсонации «Filando», было сродни этому. Так правнук приходится родней собственному прадеду. Даже если дитя никогда не видело патриарха, умершего задолго до его рождения.

– Для изготовления брамайнов, синьор, мы берем камфарное дерево. Оно самое лучшее. А для вудунов – мягкий падаук. Он чудесно передает вудунскую пластику движений. Только нужно заказывать древесину с переплетенными волокнами и завитками. Опять же кедровый запах... Еще предполагается, чтоб во время работы с куклой кто-то играл на арфе. Но у Лючано нет слуха. Это большая беда. Я так надеялась, что мы сможем выступать по деревням и даже возле космопорта, на улице... На лицензию мы бы наскребли. Но увы, арфа и Лючано несовместимы. Это ужасно!

– Ничего страшного, – возразил Карл. – У вашего племянника есть другие таланты. Я был бы рад поговорить с вами о Лючано и его будущем, но позже. Как, вы сказали, устроено коромысло марионетки?

– Не коромысло, синьор. Это называется вага, – тетушка Фелиция взялась за конструкцию, к которой сходились нити куклы. – Запомните: вага. Она состоит из стержня, подвижного коромысла и закрепленной планки. Колебания самого коромысла управляют коленными нитями. Еще из основных нитей я отметила бы височные, спинные и ручные. Остальное – нити мастеров. А что вы имели в виду под будущим Лючано?

Вместо ответа Карл наклонился к тетушке:

– Когда вы работаете с куклой, вы все время что-то напеваете. Так надо?

– Нет, синьор. Просто я очень люблю петь. Особенно песню про море и лодку с парочкой влюбленных. Но у меня тоже нет слуха. И голоса нет. Мне никогда не спеть эту песню по-настоящему.

Карл засмеялся.

– Отчего же? Знаете, до сегодняшнего дня я не думал, что когда-нибудь увижу работу с деревянной марионеткой.

– А бывают другие, синьор? Не деревянные?

– Бывают. Хотите, я помогу вам спеть песню про море и лодку? Уверяю, получится гораздо лучше, чем обычно.

Тетушка Фелиция нахмурилась:

– Грех подшучивать над безобидной женщиной, синьор.

– Я нисколько не шучу. Вы согласны, чтобы я помог вам спеть эту песню?

– Согласна, но...

– Никаких «но». Согласны или нет?

– Разумеется, да. Но как вы собираетесь мне помочь?

– Какая вам разница, если вы ничего не теряете? В третий и последний раз спрашиваю: согласны? Имейте в виду: та помощь, какую я предлагаю вам бесплатно, от чистого сердца, в иных местах стоит недешево.

– И в третий раз говорю, синьор: согласна.

– Тогда пойте! – велел Карл, сосредотачиваясь.

Это было несложно: уточнение звука, тактировка, интонация. Карл Эмерих, опытный невропат, с детства отличался развитым музыкальным слухом и чувством ритма. Случалось, работал с профессиональными певцами, когда те перед записью были не в голосе или не в духе. Да и тетушка Фелиция оказалась клиентом невзыскательным и благодарным. Она даже не хотела брать с гостя денег за куклы, которые он отобрал для себя. Говорила, что песня того стоит.

Но Карл тем не менее расплатился.

Он не любил чувствовать себя должником.

Глава вторая

«Вертеп» показывает класс

I

– Бвана не забыл?

– Не забыл. У бваны память, как у справочного оракула.

Лючано сунул карточку в лягушачий рот и дважды нажал на рожки. Ответный «квак», похожий на отрывку, вполне удовлетворил Г'Хангу, который исполнил короткий, но зажигательный танец.

– Выгружайтесь и стойте здесь, – скомандовал Тарталья труппе, жестом приказывая не смотреть на танцующего пигмея. – А ты, уважаемый, оставил бы номерок для связи? Бване понадобится транспорт. Сегодня вечером, да и вообще...

Цена за проезд, если честно, оказалась вполне божеской. Лючано решил следовать мудрой истине: «От добра добра не ищут». Вместительность аэромоба его вполне устраивала, а лихачество Г'Ханги не пугало. Лучше «с ветерком», чем плестись черепахой, всюду опаздывая.

– Бване понравилось! – расплылся в улыбке пигмей, подпрыгнув выше оградительных поручней аэромоба. – Бвана добр к бедному Г'Ханге!

Не мешкая ни секунды, он запустил пальцы в собственную шевелюру. Когда рука извозчика вынырнула из «пружинных» джунглей, в пальцах был зажат стандартный микроchip. А на тыльной стороне ладони сидел знакомый паук, довольно потирая две передние лапы – словно радовался нынешнему, а заодно и грядущему заработку хозяина.

«Чем он его кормит? – подумал Лючано. – Мухами?»

О других вариантах думать не хотелось.

– Вот!

Когда извозчик протянул чип Тарталье, паук резво удрал по руке на спину пигмея. Толстушка Оксанка, узрев мохнатое «чудо-юдо», отчаянно завизжала. Две высокие договаривающиеся стороны даже ухом не повели: что с дуры-девки взять?

– Обожди, бвана зафиксирует...

Лючано извлек персональный уником. Вставив чип в разъем, он, прежде чем считать информацию, активировал периферийную защиту. И не зря! Над скважиной уникома вспыхнул алый язычок, предупреждая: «Внимание! Попытка несанкционированного доступа к базе адресов!» Скептически хмыкнув, директор «Вертепа» покосился на пигмея. Но тот был занят важным делом: щелкал себя по левому уху и внимательно прислушивался к получающемуся звуку.

На косой взгляд «бваны» он не обратил никакого внимания.

Защита тем временем успешно справилась с попыткой

взлома. «Информация добавлена в базу», – сообщил уником. Лючано на всякий случай проверил: Нобуно Г'Ханга, планета Китта, мегаполис Хунгакампа, частный извоз... лицензия... код налоговой службы... Все на месте. Интересно, зачем извозчику воровать чужие адресные книги? Разве что продать в какую-нибудь не особо чистоплотную рекламную фирму. Потом начнут сыпаться приглашения в экзот-туры, призывы дешево купить партию «гирлянд Шакры» оптом, «стригущий лишайник» для биоэпиляции на дому и стразы легендарных рубинов из сокровищницы Кей-Вехденов.

Вряд ли пигмей старается для местного криминального «инкоози». Что взять вождю, под чьим началом ходит целая шайка бандитов, с бедных невропастов?

– Вечером будь готов. Я свяжусь за час.

Лючано вернул чип Г'Ханге и, спрыгнув с платформы, критически оглядел фасад отеля «Макумба». Н-да, не фонтан, мягко говоря. Ядовито-розовая облицовка «синтет-коралл» – это у вудунов, которые молиться готовы на все натуральное! – местами осыпалась, обнажив серый пенобетон. Чтобы скрыть досадный факт, фасад густо оплетали дешевые декор-лианы. Их плети, как назло, старательно избегали дефектных участков, демонстрируя их всем желающим. Венчала здание крыша из пластика «под листья» и ржавая башенка антенны. У входа росли две кокосовые пальмы, скучные и пыльные, грозя пришибить орехом зазевавшегося постояльца.

Лючано вздохнул, по привычке пересчитал трупку – все ли на месте? – и решительно направился в отель, сделав остальным знак следовать за ним.

– Добро пожаловать, баас! – подхватился из-за стойки портье, спешно оправляя форменный саронг: темно-синий с золотой строчкой.

«Гляди-ка, форма, – отметил Лючано. – Как в приличных гостиницах».

Но расслабиться не спешил.

На плече у портье сидел попугай – тоже синий, под цвет саронга, какаду. Хвоста и лап у попугая не было – симбиотический имплантант рос прямо из тела портье. Тарталья не слишком удивился. Как-то он ужинал за одним столом с человеком, из спины которого росла пара двухметровых королевских кобр. В сравнении с гадскими змеями какаду смотрелся милой забавой. Растрепанный пурпур хохолка, короткий, но массивный клюв блестит яичным желтком...

А стойка у них, похоже, натурального дерева. Нет, опять пластик.

ТЬФУ!

– Моя фамилия – Борготта. Лючано Борготта. Я бронировал номера на группу из двенадцати человек.

– Пусть баас не беспокоится. Номера в его распоряжении. Зарегистрируйтесь, пожалуйста.

– Р-р-регистр-р-рация! Р-р-регистр-р-рация! – поддержал хозяина какаду.

Лючано протянул руку к идентификатору, но что-то его остановило. Излишняя суетливость портье? Бегающие глазки? Интонации вудуна?

Дурацкий вопль попугая?

Он специально оформлял заказ в гостинице, расположенной в одном из краалей окраины: из-за дешевизны. Шиковать «Вертепу» не с руки. Но дешевые отели, помимо преимуществ в цене, имеют и другие особенности.

– Покажите, пожалуйста, список моих номеров. Я бронировал один четырехместный, один трехместный, два двухместных и «особняк» класса полу-люкс. Все – с удобствами, «особняк» – с коммуникативным терминалом. Завтрак включен в стоимость. Предоплата в размере половины стоимости номеров внесена.

– Баас что-то путает, – на лицо портье снизошло выражение искреннего сочувствия к столь забывчивому баасу. – Вот, у хозяина записано. Лючано Борготта: две «четверки», одна «тройка», один «особняк» с удобствами и терминалом. Без завтраков.

– То есть как это – две «четверки»? Ты мне мозги не пудри! И что там насчет удобств, а то я недослышал?!

– Без завтр-р-раков! Без завтр-р-раков!

– Есть удобства, есть! Как баас заказывал. В вашем «особняке»...

– А в остальных?

– И в остальных есть... на этаже...

– Бор-р-ргот-та! Бер-р-ри, что дают!

– Что значит – на этаже?!

– В конце коридора. Все мыслимые удобства! Совсем рядом...

– И кондиционер тоже в конце коридора? – Лючано медленно закипал, но пока сдерживался. – Значит, так. Я еще раз повторяю заказ...

– Кондиционер-р-р! Не р-р-работает! Бр-р-ред! – встретился какаду.

Портье многообещающе глянул на болтливый имплантант, и птица поспешила заткнуться.

– Ах ты пернатый жулик!

Лючано грозно навис над портье, но тут его потянули за рукав.

– Да ладно, Тарталья! Мы ничего... не облезем. Без удобств, значит, – Никита, вспотевший и усталый, преданно заглядывал в глаза директору. – Чай, не बारे...

– Я тебе, олуху, дам: «не बारे»! Скиснете тут без душа и кондиционера, козлами завоняетесь! Представление коту под хвост пустите! Диван и кресла видишь?

– Вижу.

– Садитесь и ждите в холле. Я разберусь.

Он тайком подмигнул и выдал кодовую, заготовленную именно для такого случая фразу:

– *Табором* садитесь, понял?

– Табор-р-р! Не бар-р-ре! – возликовал какаду.

«Меня держат за простофилю, – понял Лючано. – Хотят нагреть глупого бааса. Ну что ж, маэстро Карла тоже не раз пытались нагреть. Всегда с одинаковым успехом. А кое-какой административный опыт, помимо искусства невропаста, мы у маэстро перенять успели».

Он вновь обернулся к портье.

– Зови хозяина.

– Никак невозможно, баас. Нету хозяина.

– Где он?

– Уехал.

– Когда вернется?

– Трудно сказать, баас. Может, через час, может, через два... Может, завтра, – добавил портье, чуть запнувшись. – Вы селитесь пока, а когда хозяин вернется...

– Завтр-р-ра вер-р-рнется! Завтр-р-ра! – имплантант старался реабилитироваться в глазах портье, после выданной ненароком военной тайны об испорченном кондиционере. – Послезавтр-р-ра!

«Врет, – успокаиваясь, отметил про себя Лючано. – Здесь хозяин, неподалеку. Значит, надо стоять на своем. Знаю я этих мошенников. согласишься – они тебя ни за что в лучший номер потом не переселят! А разницу – в карман».

– Все вопросы я буду решать с хозяином.

– Но у нас есть другие...

– Др-р-ругие! Др-р-ругие номерrrра! Хор-р-рошие! – какаду распушил пурпурный хохолок и прищелкнул клювом. –

Для др-р-рузей!!!

– Другие номера меня не интересуют, – сообщил Лючано попугаю, игнорируя портье. – Меня интересует мой заказ.

– Вы желаете ожидать хозяина в холле?

По мере того, как лицо портье приобретало страдальческое выражение, настроение у директора «Вертепа», напротив, заметно улучшалось.

– Ага. Желаем. Всем сердцем.

– Табор-р-р! Кошмар-р-р! Р-р-разор-р-рение! – возопил ушлый попугай.

На сей раз имплантант был прав, как никогда. Тарталье не надо было оглядываться, дабы выяснить, что творится в холле за его спиной. Он и так это знал. «Табор» они репетировали много раз.

– А не мог бы великодушный баас...

– Не мог. Сдается мне, я еще требую с вашего клоповника неустойку. Поминутную, – Лючано демонстративно посмотрел на часы. – Плюс компенсация морального ущерба. Очень большого ущерба, причиненного моей высокой морали. Вы даже не представляете, как она чувствительна, мораль Лючано Борготты...

Он развернулся спиной к пепельно-бледному портье и пошел к окну, отметив по дороге, что «Вертеп» зря времени не терял. Театр ухитрился занять все пространство холла целиком, блокировав входную дверь намертво. И багажа, казалось бы, всего-ничего – а вот поди ж ты!

Талант, как говорится, не пропьешь!

Завалы распотрошенных сумок и рюкзаков перекрыли все стратегические направления. Меж завалами по холлу деловито сновали люди, занятые важными делами. Гришка, не торопясь, переодевался, начав с носков, которые демонстративно развесил на подлокотниках кресла. Сейчас он искал в бауле «запаску», вывернув наружу гору кальсон, рубашек и носовых платков. Аня с Оксанкой с упоением навели красоту, разложив вокруг себя целую коллекцию дешевой косметики. Степашка курил на редкость вонючую самокрутку, сосредоточенно пуская в потолок густые кольца дыма – ими он целился в датчик противопожарной сигнализации. Софка костерил «дымари» последними словами, но тот не реагировал. Никита извлек пакет селедочных чипсов и громко хрустел лакомством, угощая Емелю и Наталку. Крошки сыпались под ноги, распространяя мощный рыбный дух. В качестве благодарности за угощение Емеля травил бородастые анекдоты, от которых «Вертеп» взрывался лошадиным ржанием.

Усиливая творившийся бардак, вокруг кукольников приплясывал верткий вудун, продавец сувениров, выскочив из-за прилавка. Он арендовал в холле гостиницы место для торговли, и был рад столпотворению.

– Амулета! Джу-джу! Настоящий йама-ванга! Совсем дешево, ахмар суншук! Лучший нигде нет. Бьянга хоро амулета...

Торговец верещал на жуткой смеси унилингвы с местным наречием, потрясая связками звенящих цепочек. На цепях, словно прикованные чудовища, десятками болтались амулеты: миниатюрные, покрытые лаком черепа, «кровавые алмазы», оправленные в фальшивое серебро, когти и зубы каких-то жутких тварей, «вынутые следы» неведомых науке зверей, сушеные фаллосы мангабеев, жуки-колофонги...

– Зря стараешься. У них все равно денег нет, – осадил торговца Лючано.

– У бвана есть? Деньги есть?

– У бвана есть. Но бвана с тобой не поделится. Бвана очень жадный.

– Джу-джу! Спасать, лечить! На счастье!

– Бвана здоров, весел и удачлив. Все, разговор закончен.

Видя полное равнодушие Тартальи к своим стараниям, вудун увял и вернулся за прилавок. Тем более, что на его прилавке предприимчивый Васька уже установил походный кипяtilьник и как раз прилаживал к нему ладанку с вехденской «искрой». Продавец с возмущением замахал на Ваську руками, требуя убрать кипяtilьник.

Васька показал ему шиш и начал препираться.

II

Пройдя к окну, Лючано раздвинул жалюзи. Над головой тихо гудел ионный кондиционер, овевая разгоряченное лицо

прохладой.

– Тарталья, слышь, чего скажу... С какой радости они вас то «бваной» зовут, то этим... «баасом»?

Ну конечно, Степашка. Молодец, заметил. Наблюдательный.

– А ты вспомни, кто меня звал и где. Глядишь, сам догадаешься.

Тарталья глянул на несчастного, замученного перелетом Степашку и смилостивился:

– «Баас» – это вроде «господина». Уважительное обращение. Так меня таможенник звал. И портье. У вас на Сечене как извозчик к господину обращается?

– Ну... Барин.

– Верно. Вот местный извозчик и меня не господином, а барином величал. «Бвана» – это по-ихнему навроде «барина», – доступно разъяснил Лючано. – Понял?

– Понял, бвана! – гаркнул Степашка, ухмыляясь.

Кто-то хихикнул. Кажется, Софка. Но Лючано не обратил на смешок внимания. Его куда больше заинтересовало другое: то, что творилось на противоположной стороне улицы.

На веранде одноэтажного домика, стилизованного под хижину, который располагался между лавкой «Чудо-эликсиров» и крохотным кафе на четыре столика, танцевал человек в свободных белых одеждах. Босые ноги двигались, повинаясь ритму, слышному лишь танцору, неся тело по сложным, причудливым траекториям: круг, спираль, извилистые вось-

мерки... Руки жили своей, отдельной жизнью, плетя вокруг тела невидимый кокон, извиваясь, подобно водорослям или щупальцам спрута.

Казалось, руки ощупывают пространство в поисках выхода – и не находят.

Глаза танцора были закрыты. «Он в трансе, – догадался Лючано. – Похоже, плясать начал еще внутри дома. Вон, дверь открыта. Как бы с веранды не свалился...»

– Помогите! Кто-нибудь! – налетел истерический женский крик. – Люди!

В дверях гостиницы возникла растрепанная белокожая дама, явно туристка.

– Помогите!

Лючано почувствовал движение за спиной. Просочившись между завалами, рядом стоял портье. Он с ленивым любопытством глядел на танцора из-за плеча Тартальи.

– Что это с ним?

– Одер-р-ржание! – охотно сообщил какаду.

– Лоа застрял, – уточнил портье, пожав плечами с вселенским равнодушием. – Наш брат впустил в себя чужого Лоа, а Лоа им овладел. Теперь Лоа хочет выйти, но не может.

– Дур-р-рак!

– Конечно, дурак, – согласился с имплантантом портье. – Бездельник, неуч. Бокор Матембеле уехал по делам, продлить аренду хижины, а наш брат остался за бокора. Решил тайком от старика подзаработать денег – и не справился.

Бывает. Часто бывает. Хочешь заработать, а тебе гадят в ка-
лебас...

Портье покосился на «табор», продолжавший бесчин-
ствовать, тяжело вздохнул и, не дождавшись реакции от Лю-
чано, продолжил:

– Опытный бокор, такой, как Матембеле, он пациенту –
родной отец. Он Лоа пациента в себя принимает, своим Лоа
чистит, глянец наводит и обратно возвращает. Всю дрянь ог-
нем палит, дымом выводит. О, Матембеле! А наш брат... –
он с презрением фыркнул, имея в виду танцора. – Ученик,
мохоро-дунда.

– Мохор-р-ро-дунда! Мохор-р-ро! Бокор-р-р дур-р-рак!

Скорее всего, портье недолюбливал «нашего брата», пля-
шущего на веранде из последних сил. Иначе не стал бы от-
кровенничать на подобные темы с клиентом. Рассказывать о
рискованном шарлатанстве сородича тому, кого ты вопреки
заказу хотел поселить в более дешевые номера – мягко гово-
ря, глупость.

И привлечению туристов не способствует.

– Помогите же! Кто-нибудь! Сыночек...

– Что надо делать? – поинтересовался Тарталья. – Вызвать
полицию? Врачей?

Портье развел руками с нескрываемым злорадством:

– А ничего не надо делать. Надо смотреть и сочувствовать.
А потом звонить в бюро ритуальных услуг. Тут бокор нужен.
Или хотя бы хунган хороший. Можно, конечно, дедовским

способом...

Женщина не унималась. Увы, ее отчаянные призывы пропадали втуне, сливаясь в тоскливый, безнадежный вой. Ученик бокора, обхитрив сам себя, танцевал без передышки, теперь уже на самом краю веранды. Редкие прохожие спешили обойти веранду стороной, ускоряя шаг. За крайним столиком кафе сидел пигмей Г'Ханга, потягивая через соломинку голубоватый напиток, и наблюдал за «нашим братом». На лице извозчика читалось сочувствие, однако пигмей ничего не предпринимал.

«Уймется она когда-нибудь?!» – подумал Лючано, морщась от воя женщины.

Начала болеть голова. Голова всегда болела, когда кто-то кричал. Наследство тех лет, о которых Тарталья хотел бы забыть навсегда.

– Дедовский способ? Это как?

– Тр-р-рыхнуть! Т-р-рыхнуть дур-р-рня!

– Сделать одержимому больно. Очень больно, – в улыбке портье крылись тонны обаяния. Так истинный гурман обсуждает новый рецепт шеф-повара, смакуя тонкости кулинарии. – Я имею в виду шок. Как это на унилингве... больный?.. Болевой шок. Боль обидит чужого Лоа, и он сразу найдет выход. Уйдет домой. К хозяину.

– Тр-р-рыхнуть! Тр-р-рахнуть!

– Ну так пойд и ударь его палкой! Видишь, дама в истерике...

Портье подолжал улыбаться.

– Нет, баас. Не пойду. И я не пойду, и вон тот извозчик тоже не пойдет. Никто не возьмется. Слабо ударишь – не поможет. Сильно ударишь – убьешь нашего брата или искалечишь. Придется ехать в полицию, объясняться, протокол составлять. Зачем? А чтобы в меру, чтобы очень больно, но без последствий... Трудно. О, Матембеле! – ему давно пора было сменить ученика...

– Болевой шок, значит... – пробормотал Лючано.

Он не собирался вмешиваться. В конце концов, это не его дело. Чужая планета, чужие люди; существа иной расы. Он не специалист по выдворению Лоа. Ему плевать на бокора Матембеле. И на женщину плевать. Если с танцором что-то случится, по судам затаскают. Тарталья – Злодей, Человек-без-Сердца; милосердие и сострадание ему не по карману.

Эта женщина так кричит... ее крик раздражает...

Боль копилась в голове, пульсируя.

Он направился к двери. Пинком отшвырнул в сторону чей-то рюкзак, не дававший пройти. Ослепительное сияние рухнуло с неба, едва он оказался снаружи. Лючано поспешил надеть очки. К нему сунулся босоногий уличный разносчик с лотком. Директор «Вертепа» так взглянул на его товар, что торговец мигом отстал.

Видно, лицо сердитого бваны испугало босяка.

Деревянным шагом, боясь расплескать драгоценную боль

в голове, Тарталья пересек улицу. Поднялся по ступеням веранды, заскрипевшим под ногами. Оперся рукой о резную балясину. Зачем-то кивнул Г'Ханге: пигмей с интересом следил за ним из кафе. Сейчас, стоя на веранде, Лючано ясно видел через дверной проем пациента «лечебной хижины»: парень лет двадцати сидел в плетеном кресле-качалке. Модник: загар «пятна леопарда», молодежная прическа-«дикообраз» – лакированные «иглы» черно-белых волос торчат во все стороны. Безрукавка-сеточка на голое тело, серебристые шорты a-la супергерой Клайв Бодром из популярного сериала «Галактика в опасности»; сандалии из кожи ходрадской игуаны...

Все эти нелепые подробности давали возможность сосредоточиться на них.

Прическа. Безрукавка. Сандалии.

Кресло-качалка.

Что угодно.

Лишь бы не смотреть на оплывшее лицо дебила. Лишь бы не видеть бессмысленно вытаращенные пуговицы глаз. Лишь бы не замечать, как парень в кресле конвульсивно дергается в такт ритмичным движениям танцора.

– Синьор! Синьор! Умоляю!..

Синьор? Давненько он не слышал этого обращения. Окаменев у входа в гостиницу, женщина смотрела на него, тихонько подвывая смешным, сорванным голосом. На ее некрасивом, багровом от крика лице виднелись грязные до-

рожки – от слез потекла косметика.

Лючано не ответил. Нельзя расходовать боль на лишние действия. «Накапливай и делись!» – учил Гишер, большой мастер копить и делиться. Спасибо, старик, я помню. Вас было двое в моей жизни: ты, Гишер Добряк, и маэстро Карл. Нет, трое: еще тетушка Фелиция.

Просто тетушка была так давно...

Он шагнул ближе к танцующему вудуну. Копи и делись. Я накопил, дружок. Хочешь, поделюсь? Тарталья ненавидел опыт, полученный им в заключении, в допросных камерах тюрьмы Мей-Гиле, но иногда кроме этого опыта не помогало ничего.

Работать с танцующим вудуном ему не доводилось. С зафиксированным в кресле для дознания, плотно схваченным ремнями и зажимами «телом» – сколько угодно. Пару раз случалось сойтись в драке, повинувшись сложному кодексу Мей-Гиле. Но в танце, зная, что твое чувство ритма рядом с вудунским – как метеорит рядом со звездой...

Понадобилось около минуты, чтобы подстроиться хотя бы самую малость. Поймать нужное па, вписаться, ощутить пульс... Есть! Руки Тартальи взлетели и замелькали, словно управляя марионеткой с шестью, семью десятками, с сотней и тысячей нитей. Собрать в щепоть кожу вудуна над ключичной ямкой. Не ослабляя хватки, напротив, усиливая ее – обжигающий росчерк ладонью свободной руки по груди танцора. Здесь и здесь. Хватит. Со стороны это, наверное, похоже

на ласки двух влюбленных мужчин. Плевать, пусть думают, что хотят. И финал – легкий, острый тычок пальцами под ребра.

Аккорд собрал воедино пять нот и завершил композицию. Голова перестала болеть.

Зато «наш брат» истошно заорал, споткнувшись посреди изящного пируэта. Танцор распахнул веки, словно заключенные окна в заброшенном доме, где водятся призраки. В глазах вудуна плескалась адское страдание. Прежде, чем «наш брат» заехал добровольцу-спасителю кулаком по физиономии, Тарталья успел заметить, как резко выдохнул, обмякнув в кресле, пациент, как на лицо парня начало возвращаться осмысленное выражение...

До конца увернуться от удара не удалось. Кулак прошелся вскользь по скуле. Лязгнули зубы. Неприятно, но таковы издержки. Как известно, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. А вызывать у вудуна краткосрочный паралич мышц Тарталье не хотелось. Мало ли, как на это посмотрят бокор Матембеле и местные законы...

Второго удара не последовало.

«Наш брат» упал на колени и разрыдался.

Лючано развернулся и – не ожидая благодарностей, не желая давать объяснений! – направился обратно к гостинице.

– ...Мои извинения, баас Борготта! Мои глубочайшие извинения! Нашлась! Нашлась запись! Правильная! Ваши но-

мера, ваша бронь! С удобствами, с завтраками... с подарками от заведения!.. Вот ключи, прошу вас! Ужасное недоразумение...

– Недор-р-р-азумение!

– Я рад, – криво усмехнулся Тарталья, потирая ноющую скулу. – Надеюсь, больше проблем не возникнет?

– Ни в коем случае! Заверяю вас...

– Вер-р-рите! Не повтор-р-рится!

Когда Лючано, следуя за мальчишкой-коридорным, соткавшимся из воздуха и вцепившимся в чемодан бааса мертвой хваткой, подходил к лестнице, его догнал портье.

– Прошу прощения, баас Борготта! Это... то, что я видел!.. Это и было ваше искусство?

Человек-без-Сердца смерил взглядом портье, съезжившегося, словно под ледяной струей. Немного подумал, подбирая слова.

– Нет, любезный. То, что вы сейчас видели, не имеет никакого отношения к нашему искусству. Запомните: никакого отношения! Ни малейшего!

– Бор-ргот-та! – тихо буркнул какаду. – Кр-рут!

Портье промолчал.

III

Из отеля труппа, отдохнувшая и посвежевшая, выбралась лишь вечером.

Перед входом в гостиницу Г'Ханга заправлял двигун аэромоб, опустошая мусорные урны в разверстую пасть топливоприемника. Утилизаторы в захолустье здешнего крааля считались роскошью, что обеспечивало предприимчивому пигмею достаточное количество хлама.

– Лоа устал, – пояснил извозчик свои действия. – Лоа спать хочет. Ничего, бвана! Мудрый Г'Ханга у вехденов «искру» купил. На любой дряни полетим!

Как правило, вудуны предпочитали использовать, где можно, духов-Лоа. Хотя Лючано всегда недоумевал: какие это, в черную дыру, духи, если они в двигуне сидят и аэромоб тащат?! Но при необходимости духознатцы легко переходили на энергетику других рас: гематров, вехденов, брамайнов... Двигун и вправду работал на любой дряни, пользуясь метким выражением пигмея.

Освещение на окраине мегаполиса оставляло желать лучшего. Вывеска отеля, пара гигантских светляков над столиками кафе, гирлянда фонариков возле хижины бокора Матембеле... В окнах жилых домов стояли анизотропные стекла, пропуская свет только снаружи внутрь. В поздний час по здешним переулкам лучше не гулять, отметил Лючано. Надо предупредить народ.

В темноте всякое случается.

Зато когда аэромоб поднялся над домами, беря курс на виллы побережья, позади Тартальи раздался дружный вздох восхищения.

– Мамочки! Пожар, чистый пожар!

– Светопреставление!...

– Это ж сколько огнищей...

– И так всю ночь? А спать когда?

– Днем!

– Оксанка, дура! Смотри!..

– Сама дура! Смотрю уж...

Зрелище ночной Хунгакампы с высоты полета впечатляло. Над городом полыхало зарево, стреляя искрами летательных аппаратов. Зарево было тщательно срежиссировано, выстроено и отлажено; из любой точки взгляду открывалась завершенная картина, меняясь по мере перемещения зрителя. Вот припал к земле ягуар длиной в добрых десять миль от носа до кончика хвоста. Ракурс чуть изменился – и ягуар лениво потянулся, выгнув спину, зевнул, широко раскрыв пасть... Заиграли сполохи, шерсть у хищной кошки пошла волнами. Аэромоб свернул к юго-западу – и вот уже не ягуар, а морской змей приподнял голову над океаном света.

– Ой, гадюка! Красивая какая...

– Ага...

Днем, когда они летели в отель, город рассмотреть не удалось. Хунгакампу затянула белесая дымка, которая, несмотря на ослепительное сияние Альфы Паука, и не думала рассеиваться. Ничего, с курортными красотами успеется. Три дня в гостинице клиент им оплатит по контракту. А там, глядишь, случайная шабашка подвернется...

– Подлетаем, бвана! Богатые люди тут живут! Вожди живут, инкоози! Наверно, платят хорошо?

Вопрос Лючано проигнорировал, сочтя его риторическим. Г'Ханга подпустил шпильку по привычке, не задумываясь. Перед отлетом, связавшись с пигмеем по уникуму, Тарталье не пришлось торговаться. Извозчик убедился, что мудрый бвана лишнего не заплатит, а мудрый бвана убедился, что пигмей своего не упустит. В итоге оба пришли к уважительному компромиссу, оставшись довольны друг другом.

На вилле заказчика с иллюминацией тоже все было в порядке. Колымага Г'Ханги на парковочной площадке смотрелась нищей бродяжкой, случайно затесавшейся в общество принцев крови. Сверкающие аэроглиссеры на подвесках-антигравах, наземные мобили с изменяемым абрисом, помпилианская колесница, два дорогущих всестихийника, способных выйти в ближний космос...

– Жди здесь. И никаких левых заказов!

– Бвана обижает честного Г'Хангу! – извозчик попытался изобразить оскорбленную невинность. С его рожей прожженного мошенника это получилось не слишком убедительно. – Г'Ханга будет честно ждать!

«Разумеется, будет. Денежки-то капаят. Жиденькие, зато на ровном месте. Ни делать ничего не надо, ни ресурс „искры“ расходовать...»

Лючано придиричиво оглядел труппу. Все восемь невропастов – и мужчины, и женщины – были одеты в одинако-

вые угольно-черные трико, слегка искрящие при движении голубоватыми статическими разрядами. Береты, перчатки и мягкие мокасины того же цвета. Лица покрыты «серебряной патиной». Клиент возжелал «классику»? Вот, пожалуйста.

– По двое за мной.

Это в контракте не оговаривалось, но стиль есть вежливость артистов. Сам директор «Вертепа» был облачен в парадный сюртук эстет-распорядителя – тончайший бархат цвета морской волны, со вставками розового атласа и золотым шитьем. Дополняли наряд белоснежная сорочка, лосины жемчужного оттенка и высокие кожаные ботинки на шнуровке.

К ночи жара заметно спала, но Лючано перестраховался, активировав потопоглотители и ароматизаторы в стельках ботинок.

У гостеприимно распахнутых ворот виллы их встретил привратник – вежливый смуглый великан в зеленой ливрее. Тарталья представился, показав копию первой страницы контракта. Он старался быть спокойным и не делать резких движений. Активат-татуажа или вживленных гаджетов у привратника не наблюдалось, но в нем сразу чувствовался *измененный*. Разумеется, подумал Лючано, на курортной вилле привратник – не просто мебель у входа. Охранник, физиогномист, досмотрщик... Великан в ливрее чуть сильнее, чем следовало, раздувал ноздри, когда дышал. И стоял слишком прямо: так долго не простоять, если над тобой не

поработали хорошие хирурги. Наверняка он может учуять спрятанное оружие, взрывчатку или яд, да и просто запах агрессии, исходящий от гостя.

Киноидный модификант? Возможно. Впрочем, какая разница?

Привратник молча кивнул, разрешая проход. Махнул кому-то рукой, и из тени кустов, обрамлявших люминисцентную дорожку, выступил еще один человек.

– Добро пожаловать на виллу мар Шармаля. Следуйте за мной.

Приятный, мелодичный голос. Нарочито мелодичный. Богатые обертоны. Излишне богатые. Осанка лорда. Пластика балерины. Или марионетки, ведомой опытным кукловодом...

«Голем, – догадался Тарталья. – Служивый голем».

Големами звали искусственных слуг их создатели – гематры. Техноложцы именовали этих псевдо-существ андроидами, брамайны – кажется, киннарами; вудуны големами не пользовались из принципа. Лючано отметил, что невропасты «Вертепа» ничего особенного в манерах проводника не обнаружили.

Простительная слепота: крепостные графа Мальцова никогда раньше не видели големов.

Дорожка, по которой они шли, влилась в широкую аллею, словно ручей – в реку. Аллея была вымощена прозрачными и до черноты фиолетовыми кристаллами флюорита, каж-

дый размером с шляпную коробку. Путь освещали две вереницы матовых шаров, наполненных живым пламенем вехде-нов. Шары висели, не шелохнувшись, прямо в воздухе, без всякой опоры.

Искры светлячков едва различались в их сиянии.

Лючано пригляделся и понял, почему светлячки вообще видимы. «Гэндзи-ботару», размером с мизинец, с усиленной иннервацией фотогенных клеток. Каждое такое насекомое стоило сумасшедших денег.

Темный глянец зелени кустов. Пурпур листвы декоративного барбариса. Запах клубники волнами плыл от белых цветов чубушника. Ограждения густо оплетали побеги карликовой стефанандры, мерцая снежно-зеленой мякотью венчиков. От виллы неслась музыка: Фредерик Торрас, «Ликование», мотет для сопрано, виолайзера, флейты и клавинолы.

Ангельский голос певицы ласкал слух, поддержан импровизацией генерал-баса.

– Нам направо, – на миг обернувшись, спел в терцию голем.

Боковая дорожка вывела их на просторную лужайку, залитую светом: над головами, переливаясь, висела искусственная радуга. Поодаль располагались ряды скамей, амфитеатром спускаясь к эстраде-раковине. В центре эстрады вздымался и опадал, играя разнообразно окрашенными струями, голографический фонтан. Журчал он, как настоящий.

Вокруг фонтана в живописном беспорядке был разбросан

реквизит.

– Располагайтесь. Я доложу мар Шармалю, что вы уже здесь.

Голем направился к вилле, окруженной облаком жемчужного сияния. Помпилианский стиль: широкие ступени из мрамора, портики, анфилада колонн, узкий треугольный фронтон с барельефами... Имперская роскошь. Тарталья поморщился: он недолюбливал помпилианцев, и на то у него имелись веские причины. Однако вилла принадлежала отнюдь не надменному рабовладельцу. Ее хозяином был молодой гематр, сын одного из влиятельных банкиров этого сектора Галактики. И в чувстве стиля ему (а вернее, архитекторам и ландшафт-дизайнерам, нанятым его папашей!) никак нельзя было отказать.

– Чего моргаете, олухи? – рявкнул Тарталья на труппу, замершую в испуганном ожидании. – Особого приглашения ждете? Живо за работу!

Площадку он изучил заранее, в отеле, получив снимок через терминал и ознакомив «Вертеп» с планом рабочих мизансцен. Так что сейчас невропасты бегом отправились по местам, не теряя лишнего времени. Для них заранее установили блестящие круглые табуреты, по четыре с каждой стороны эстрады. Там кукольники в черных трико, невидимые для кукол, смогут спокойно заниматься своим делом.

Вспомнив о реквизите, Тарталья окинул взглядом предметы на сцене. Шутовские колпаки, флуоресцентный бюст-

гальтер «с секретом», трость, веер из птичьих перьев, пара игрушечных лучевиков, очень похожих на настоящие, шляпа, стул, зонтик... Бутафор Васька подобрал удачный комплект: неброский, простой в обращении.

Для гематров – лучше не придумаешь.

От виллы слышались голоса и нарочито громкий, неестественный хохот. Так смеются люди, стараясь показать окружающим, как им весело. Людское толпище сошло по лоджии со ступеней здания и – сверкая драгоценностями, мигая лазерными псевдо-шнуровками, мерцая флюоресцентным макияжем! – потекло в сторону лужайки. «Ого! – подумал Лючано, отходя в сторонку. – А изрядная компания гуляет!»

Он оценил навскидку: человек триста, не меньше.

– Мэтр Борготта?

– Да, это я. Мое почтение, мар Шармаль.

Лючано сразу догадался, кто перед ним. Хотя, когда они связывались по видеоканалу, клиент зачем-то блокировал изображение.

– Вы пунктуальны. Я рад.

Радости на лице и в голосе молодого гематра было не больше, чем в строке бегущего по дисплею текста. Впрочем, к каменным лицам и отсутствию интонаций у гематров давно привыкли все, кто хоть изредка имел с ними дело.

– Это Адель.

Шармаль-младший держал под руку ослепительно краси-

вую рыжеволосую девушку в платье из квинтилийской чесучи. Безумно дорогой материал менял прозрачность в зависимости от каприза владелицы платья. Сейчас чесуча фактурой напоминал мокрую ночную сорочку из батиста, скорее раздевая, нежели одевая хозяйку.

Девушка с вызовом показала Тарталье язычок: острый и хищный. Глаза ее горели от возбуждения и большой дозы фаирита. В отличие от спутника, не-гематрийке были доступны эмоции, наркотические и естественные.

Цена за сутки «эскорт-услуг» такой Адели могла соперничать с гонораром за разовое выступление «Вертепа». Особенно, если девица заказывалась по каталогу «Нуаре Папильон», куда входили лишь специально обученные «бабочки», знакомые, помимо прочего, с лазерным скальпелем нейро-косметолога.

– Ваши работники готовы?

– Разумеется. Можете начинать веселиться в любой момент.

– Без предупреждения?

– Без предупреждения.

– Люблю иметь дело с профессионалами, – узкие губы Шармаля сложились в мертвую, искусственную улыбку. Марионетки тетушки Фелиции улыбались куда живее. Но даже это далось молодому гематру с видимым усилием. – Вы мне нравитесь, Борготта.

– Благодарю, мар Шармаль.

– Не за что. Оставайтесь здесь. Я пойду веселиться. Я очень хочу веселиться.

И Шармаль-младший в сопровождении рыжей Адели неуклюже вскарабкался на эстраду. Не по лесенке взошел – так взобрался, едва ли не вполз, словно моллюск в раковину.

«Я очень хочу веселиться, – повторил про себя Лючано. – Бедняга».

Для сверхрационалиста-гематра это уже равнялось подвигу.

Сын банкира скованно, механически раскланялся. Затем он подумал, повернулся к гостям спиной и, приспустив брюки, показал всем задницу. Тошую, маловыразительную, абсолютно не смешную задницу. Небось, специально смотрел это идиотское комик-шоу Бадди Гая, понял Лючано. Исчислял, взвешивал, измерял и запоминал в мельчайших деталях. Теперь пытается копировать.

В воцарившейся тишине натянуто хихикнула дама с лотосом, растущим из ее виска.

На эстраде объявился еще один гематр, сверстник хозяина виллы. Он заранее нарядился клоуном-бисексуалом из передачи «Мы идем к вам!»: кожаная жилетка на голом, безволосом торсе, бриджи в обтяжку, шелковый галстук с драконами. Глаза и губы «би-клоуна» были ярко накрашены; он хлопал накладными ресницами и каждую секунду приглаживал и без того зализанные волосы.

«Софка с Омельком постарались, – оценил Лючано. – Мо-

лодцы».

Гримера с костюмершей он заранее выслал на виллу в компании с бутафором Васькой. Куклы редко слушались советов, но иногда посторонняя помощь оказывалась весьма кстати. Особенно гематрам, ходячей математике бытия, как называл их маэстро Карл.

– А ну-ка, сладенький молодой мар! Покажи и мне! – отрапортовал «би-клоун».

Реплика, начавшись ровным и скучным тоном, к концу налилась похабным елеем, возвысилась и сорвалась на фальцет. Ага, кивнул Лючано, это Степашка подключился. Он в труппе лучший вербал. Вернее сказать, универсал, но с крепким в вербальную коррекцию.

Засмеялись уже трое из гостей.

А пухленькая остроухая девица, отважившаяся на эрофелинную модификацию, в восторге забила хвостом, который торчал из заднего клапана ее брючек.

«Им все равно, над чем смеяться. У них вечеринка. Большинство из них способно показать кому угодно голую задницу, хоть в спальне, хоть на площади, не смутясь ни на секунду. Им не нужны для таких глупостей костыли, как они не нужны человеку со здоровыми ногами. Ах, мар Шармаль, ты так хочешь веселиться!.. ты очень хочешь веселиться...»

– Уйди, уйди, противный!

Сын банкира, похоже, сам удивился. Ему удалось заголозить эту чушь с нотками отчаяния, очень похоже на Бадди

Гая. Схватив с пола шляпу, он кругами побегал по эстраде, прикрывая шляпой седалище. «Би-клоун» гнался за Шармалем-младшим, высоко вскидывая ноги и размахивая руками.

Лючано тайком улыбнулся. Не «веселью» кукол, а работе моториков «Вертепа». Это Аня с Никитой: «внахлест» корректируют обоих гематров. Он физически ощущал нити, ведущие от невропастов к куклам.

На сцену выбрался кто-то из гостей, присоединившись к «би-клоуну» в его погоне за жертвой. Шармаль-младший увернулся, сделав грациозный пируэт, абсолютно невозможный для молодого гематра еще пять минут назад. Преследователи столкнулись лбами и картинно упали навзничь. Теперь смеялись многие. Кое-кто аплодировал. В основном потому, что на сцене безобразничали не артисты-профессионалы, а свои, знакомые, приятели.

«Не важно, что шоу не стоит и выеденного яйца. Важно, что большинство и не догадывается о присутствии на вилле труппы невропастов. Сидят какие-то в черном, ну и пусть сидят... И даже это не важно. Вот кто важен – мар Шармаль, похожий сейчас на живого человека».

Сын банкира вспрыгнул на стул, отмахиваясь зонтиком.

– Ах, любимый! На кого ты меня променял?!

На сцену взлетела рыжая Адель, заламывая руки.

Ей не требовалась помощь невропастов: Адель и так была в восторге от собственных талантов. Тем легче, подумал Лючано. Хотя, кажется, кто-то из «Вертепа» чуть подправил

заламывание рук, сняв излишек вульгарности.

– Уйди, чудовище разврата! Не нарушай мужской дружбы! – с пафосом продекламировал «би-клоун».

Пафос был заслугой Никиты: конопатый непоседа умел это лучше других.

«Их подписи стояли в контракте. Шармаль-младший подписал как заказчик, оплачивающий услуги. И, отдельным пунктом, всегда присутствующим в договоре на коллективную работу: мар Зутра – это, похоже, гематр в жилетке, затем – Адель Легран, Барри Сильвер... Пятнадцать подписей, трижды удостоверяющих согласие на контактную имперсонацию, не связанную с насилием, не влекущую за собой... без последствий, без побочных явлений, и так далее. Невропат не может работать с куклой, если кукла не согласна. Наверняка подписавшиеся не вникали в суть дела: сын банкира сказал, что будет весело...»

Что произойдет, если на эстраду полезут гости, чьих подписей не было в контракте, Лючано не волновало. Обязательно полезут. И ничего не произойдет. Те, кто не дал согласия – хотя бы потому, что его у них не спросили! – останутся вне поля коррекции. Пустяки. Шармаль-младший хочет веселиться. Очень хочет. И платит за помощь. Бедняга...

– Ты даму оскорбил, козел вонючий! – Шармаль с гневом воздел зонтик.

– Дуэль! Дуэль! – раздались крики в толпе.

– Секунданты?

– Я!

– И я!

Теперь работал весь «Вертеп». Слаженно, четко. Четыре вербала, четыре моторика. Сына банкира, как заказчика представления, вели сразу трое: Степашка, перебросивший «би-клоуна» Оксанке, и Григорий с Кирюхой. Остальные невропасты работали кукол «плетенкой», время от времени сдавая друг другу освободившиеся нити: ловко, незаметно, словно шулер – крапленые карты. Один правил походку, другой корректировал жестикуляцию, третий – мимику, четвертый подкидывал реплику: тайком, из своего богатого арсенала, заготовленного впрок для подобных случаев...

Маэстро Карл был бы доволен, подумал Лючано.

«И ты прав, малыш», – согласился издалека маэстро Карл.

IV

Лючано удивился, когда после работы голем пригласил его пройти в отдельный кабинет, расположенный в южном крыле виллы. А вскоре удивился во второй раз. Потому что в кабинете его ждал Шармаль-старший, который сейчас должен был находиться где угодно, только не здесь.

Пожилой гематр, не вставая из кресла, смотрел на Тарталью.

Лючано втайне поежился: он всегда нервничал, когда на

него смотрели гематры. «Математика бытия, – говорил маэстро Карл, – это, малыш, хуже, чем скальпель препаратора». Трудно сохранять спокойствие под взглядом ледяных глаз, которые способны исчислить, взвесить и измерить тебя оптом и в розницу, со всеми потрохами. Так и ждешь, что тебе налепят на лоб гематрицу, как марионетке в лавке игрушек.

И заставят плясать без прикосновения живой руки.

– Я – Лука Шармаль. Отец бездельника, устроившего эту вечеринку. Вы, как я знаю, Лючано Борготта, руководитель труппы контактных имперсонаторов.

Пожилой гематр не спрашивал. Он просто говорил: ровно, размеренно, без интонаций.

Он произносил слова.

Слова несли информацию, и больше ничего.

– Вы абсолютно правы, мар Шармаль. Для меня большая честь...

Банкир остановил Тарталью скупым движением руки.

– Примите мою благодарность, мэтр Борготта. Мою искреннюю благодарность.

Лицо Шармалю-старшего походило на гипсовую маску, на которой двигались одни губы. Голем – и тот, со всей его утрированной нарочитостью, выглядел более человечным. Слово «искренняя» в устах банкира звучало жутковато.

Лючано знал, что гематры в возрасте часто страдают атрофией мимических мышц лица. Им прописывают целый ком-

плекс упражнений: стоя перед зеркалом, улыбаться, растягивая губы, хохотать, гримасничая, недоумевать, вздергивая брови на лоб... Короче, рожи корчить.

Он не хотел бы однажды увидеть, как это происходит.

«Ты в курсе, что такое насильственный смех или плач? – спросил маэстро Карл, которого здесь не было. – Они не связаны с эмоциями, малыш. Это судороги. Они возникают вследствие спастического сокращения мышц, ответственных за мимику. Это ложь твоего лица. Лица-предателя».

– У моего сына диагностировали прогрессирующую монополяризацию психики в первой стадии. Вы знаете, что это такое?

– Нет, мар Шармаль.

– Поясняю. При этом заболевании высшая нервная деятельность локализуется в одной, крайне узкой области. Все остальное постепенно перестает интересовать больного, пока сознание не заклинивается полностью, становясь самодостаточным. Вплоть до исчезновения реакций на внешние раздражители. В итоге – коллапс психики, каталепсия и неопределенно долгое существование в состоянии глубокого апато-абулического синдрома. Синаптические связи закольцовываются. Мозг продолжает работать, но он работает сам на себя, на решение ограниченного круга математических задач исключительно внутреннего, абстрактно-теоретического характера. Без выхода вовне. Я понятно изложил?

– Вполне.

На самом деле Лючано мало что понял, но его мороз продрал по коже. Банкир говорил о страшной болезни собственного сына так, словно сообщал прогноз погоды на завтра.

– С нами иногда такое случается. Издержки специфического склада ума гематров. Мой сын принял решение лечь в санаторий профессора Мваунгве, для курса интегральной психокоррекции. Это долгая и не слишком приятная процедура. Уверен, теперь срок лечения сократится минимум вдвое. Айзек просто в восторге. Он счастлив. И я тоже.

– Я очень рад, мар Шармаль. Мы всего лишь скромные артисты...

Снова жест: сухой и взвешенный.

Приказ замолчать.

– В дополнение к утвержденному гонорару, мэтр Борготта, я от своего имени перевел на ваш счет определенную сумму. Я умею быть признательным, когда речь идет о моих близких. Спасибо. Вы можете идти. Голем вас проводит.

Голос банкира по-прежнему звучал ровно, а лицо ничего не выражало.

Контрапункт Лючано Борготта по прозвищу Тарталья (тридцать лет тому назад)

Бывают дни, когда я сожалею о выборе профессии.

Кто я – невронаст Тарталья? Актер? – нет. Выпусти меня на сцену, поставь перед линзами голо-камеры – я даже не смогу как следует сказать: «Ваш рейс, синьор!» Я не умею, я знаю, как должно быть. Я могу подсказать, подправить, видеоизменить, но только в одном случае: мне нужен исходный материал. Я не творец, я суфлер.

Не рассказчик – подсказчик.

Да и суфлер я с недавних пор никудышный. Хорош суфлер, который в любой момент может высунуть из будки ствол парализатора и вместо реплики подать актеру славенький разрядик...

Впрочем, бывают дни, когда я...

Нет, не радуюсь выбору профессии, а просто не сожалею о нем.

Счастливые дни.

– Какой хорошенький!

Цепкая ручка ухватила Лючано за локоть. Вторая ручка,

цепкая не менее, а может, и более, чем ее сестрица, игриво шлепнула юношу по заднице. Удовольствия жертва насилия не получил, но на всякий случай остановился.

– Красавчик, ты у нас с какой стороны?

Вопрос за парсек отдавал каверзой.

– Со стороны невесты, – как учили, ответил Лючано. – Дальний родственник.

Он изо всех сил старался не чихнуть от смолисто-приторного аромата духов. В этом сезоне в моду вошли запахи, которые юный невропаст не одобрял. Кроме странной, противоречивой гаммы, вызывавшей неудержимый свербёж в носу, линия элитных парфумов «Бу-Сабир» позволяла вплестать в композицию легкие тона эмоциональных состояний носителя. Сейчас, например, в эфемерной сладости сквозил заметный оттенок симпатии и сексуального возбуждения.

Такие нюансы, наверное, должны были вызвать в юноше ответную реакцию. Увы, невропасту во время прямого контакта с куклой ни за что не возбудиться, даже если бы он очень захотел. «Проще управлять звездолетом, – сказал однажды маэстро Карл, – в то время, когда усердная цыпочка трудится над твоим маленьким братцем. Звездолет, по крайней мере, не является частью тебя самого. Зато, малыш, ты сможешь хвастаться, что испытал чувства евнуха, и тебе не понравилось...»

Мимо прошел официант с подносом, неся чашечки, полные губчатой массы.

– Эй, красавчик! Не разделишь ли со мной одну губку?

– Я...

– Маленькую губочку! Крохотную! В конце концов, скоро свадьба, мы станем родней... Дети должны слушаться старших!

В красотке, осаждавшей Лючано по всем правилам взятия крепостей, чувствовалась порода. Статная, с полной грудью и широкими бедрами, зятая в сильно декольтированное платье, она приплясывала на месте, словно от нетерпения. В любом бы закипела кровь от этого колыхания здоровой плоти. Но кукольник лишь огляделся по сторонам, ища куклу.

Ага, вот.

В поле зрения.

Куклой сегодня был Жан-Пьер Берсаль, отец невесты.

Помолвка Розалинды Берсаль, единственной дочери крупного верфевладельца с Хиззаца, и Нобата Ром Талелы, третьего ненаследного сына его высочества Пур Талелы XVI, всколыхнула общественное мнение. Брак полагали мезальянсом, дерзкой выходкой Нобата-Гуляки, как называли жениха за глаза, его вызовом, брошенным чопорному аристократу-отцу. Злые языки осуждали Розалинду, обвиняли в шантаже («Беременна! Вы в курсе? Задержала развитие плода на четыре месяца, чтобы скрыть!...»); темой для болтовни служила шикарная яхта «Берсаль-Талела», которая готовилась сойти со стапелей самой мощной верфи Жан-Пьера в честь свадьбы дочери.

Верфь, яхта и акции отцовской компании составляли приданое Розалинды.

Каналы планетарных новостей Хиззаца день за днем пережевывали событие, превратив его в равномерную, остро пахнущую кашу. «Титул берет за себя деньги, – сказал маэстро Карл, получив заказ от семейства Берселей. – Деньги ложатся под титул. Обычная история. Вечная, как звезды. Впрочем, звезды иногда гаснут. А сплетням сиять во веки веков! Этим сорнякам даже дерьмо не нужно, чтобы расти. Ах, малыш, если бы за каждую сплетню в мире мне давали медяк – я бы купил себе Вселенную!..»

– Фравель! Иди сюда!

Видя, что объект ухаживаний топчется на месте, красotka сама подозвала официанта.

– Фравель, кому сказано!

Почему официант – фравель, Лючано не знал. Здесь все так обращались к прислуге и при этом скалили зубы, словно на редкость удачно пошутили. А когда кто-то из гостей во хмелю назвал фравелем шестияродного дядю жениха – дядя выхватил из ножен кинжал, неотъемлемый атрибут традиционного костюма для выходов в свет, и на лужайке возле фонтана началась дуэль.

К счастью, до первой крови: оскорбителю распорол щеку, заклеили рану полоской регенерина, и оба дуэлянта прилюдно расцеловались под аплодисменты гостей.

– Ага, вот и наша губочка...

Мимоходом, беря с подноса ярко-синюю губку, красotka потерлась грудью о плечo Лючано. Юноша постарался сделать вид, что ужасно польщен, обрадован и все такое. Кажется, удалось.

– Меня зовут Сольвейг, – мурлыкнула красotka, облизываясь. – Ты можешь звать меня просто Со-Со.

Нет, не отвяжется, подумал Лючано. Теперь уж точно не отвяжется.

Он знал, что нравится таким женщинам: не первой свежести, звездам косметориев, львицам курсов омоложения, давно забывшим, какими их родила мать. Юный кукольник не считал себя привлекательным мужчиной: слегка полноват, жидкие усики на верхней губе похожи на тень, влажные глаза навывкате... «Ты несправедлив, – смеялся маэстро Карл, когда ученик делился с ним грустными соображениями. – Ты вызываешь желание приласкать и облагодетельствовать. Даже у меня. И не спорь! – раз ты здесь, значит, я прав. Это немало, дружок, поверь старому развратнику...»

В труппе «Filando» две бойкие невропастки, сестры-близняшки Лаури, уже успели затащить Лючано в постель. Маэстро Карл предупреждал, что это может негативно сказаться на будущем юноши, испортив вкус, и оказался прав. После кувырканий с коллегами, когда каждый участник постельного спектакля способен откорректировать моторику партнера под свои запросы, дергая за хорошо знакомые ниточки, секс с посторонними – «куклами», как говорили в труппе – ка-

зался пресным и однообразным.

– А как зовут тебя, мой скрытный родственничек?

– Лю... – Лючано вовремя опомнился и поправился, принимая во внимание сделанную оговорку. – Лю Кшиштоф.

– Лю Кшиштоф Берсаль? – уточнила собеседница.

– Нет, Лю Кшиштоф Гемаль. Мы с отцом, – он указал на маэстро Карла, который непринужденно развлекал у бассейна целый цветник хохочущих матрон в купальниках, рассказывая малоприличные анекдоты, – по линии Гемалей. Вы, Сольвейг, наверное, знаете мою тетю Анабель...

– Со-со! – напомнила красотка, пропустив мимо ушей скользкий намек про тетю. – Двигайся ближе, мой сладкий!

Дернув Лючано за край одежды, так, что ему пришлось упасть рядом с Со-Со в сетчатый шезлонг, красотка прижалась щекой к щеке юноши. Губку, взятую у официанта, она ловко вставила между сблизившимися лицами – и губка начала прорастать в человеческую плоть, щекоча обоих тончайшими усиками.

Таким образом природные губки Хиззаца паразитировали на крупных морских млекопитающих, впрыскивая симбионтам легкие стимуляторы разного рода. Выращенные на спецплантациях, адаптированные губки – взаимогубки, согласно рекламе – были безвредны для человека, легко отделялись после употребления, не оставляя следов, и вызывали галлюцинации, частично общие для обоих, слившихся воедино, потребителей.

– А-ах! – еле слышно застонала Со-Со.

Видимо, действие губки развивалось в правильном русле.

Лючано не почувствовал ничего, кроме слабой эйфории, которая, впрочем, быстро улетучилась. Он поискал глазами куклу. Жан-Пьер Берсаль, потный и красный, плясал качучу у столика, сплошь уставленного рюмками. Жестами верфевладелец звал жену и будущего зятя присоединиться к нему в едином порыве.

Внимательно следя за синьором Берсалем, юный невропат усилил контакт, желая оценить степень нарушения координации у куклы. Симптоматика ясно говорила, что обычного вмешательства не хватает: кукла выходила из-под контроля.

Лючано начал коррекцию «вручную».

Заказ от семейства Берсале свалился внезапно и очень вовремя. «Filando» гастролировал на Икrame, уютной планетке в секторе Зимородка, но гастроли шли вяло, без огонька. Заработки оставляли желать лучшего, труппа нервничала, маэстро Карл злился... Один Лючано чувствовал себя замечательно. Уже десять лет он путешествовал с Карлом Эмерихом: сперва в качестве ученика, затем – подмастерья, что означало работу с куклой под контролем более опытного невропаста, способного перехватить клиента в случае ошибки.

И вот наконец ему доверили самостоятельный дебют.

– Опробуем тебя на Берсале, – сказал маэстро Карл. – Не

раздувай щеки, малыш, ты идешь простым моториком. Вербалом пойду я. И без лихости! – сальто-мортале нам не нужны...

Разумеется, Лючано втайне мечтал пойти вербалом. Корректировать речь куклы считалось делом более тонким и сложным, нежели коррекция движений. Но спорить с маэстро Карлом накануне дебюта... Нет, не так: спорить с маэстро Карлом когда бы то ни было – занятие пустое и неблагодарное.

Особенно если тебе предстоит работать в паре с упомянутым маэстро Карлом.

Жан-Пьер Берсаль, в скором времени – счастливый тесть вельможи Нобата Ром Талелы, имел массу достоинств, включая пухлый кошелек, и всего один, зато явный недостаток. Жан-Пьер был алкоголиком. Он не употреблял наркотики, оставался равнодушен к галлюциногенам, не курил табак, гашиш и падуматейнгу, не жевал дурманную глину... Но запах алкоголя сводил его с ума. Понимая, что на помолвке дочери он без вариантов напьется до красных карликов, Берсаль судорожно искал выход из тупика. В трезвом виде Жан-Пьер умел предвидеть неприятности: он знал, что сорвется, и заранее подстилал соломку.

Выход нашла его старшая жена, дама мудрая и проницательная.

Следуя ее совету, верфевладелец подписал контракт на услуги «Filando» и получил в свое распоряжение на время

помолвки двух невропастов. Теперь он мог пить, не боясь в самый неподходящий момент потерять равновесие или начать заикаться во время тоста. В случае чего Лючано и маэстро Карл поддерживали куклу с двух сторон, корректируя речь и движения.

Разумеется, услуги оказывались анонимно. Гости и родственники не должны знать, что среди них находится парочка сомнительных кукольников. Дойди слухи до его высочества Пур Талелы XVI, и свадьба расстроилась бы навсегда.

– С какого-то момента, если ваш муж не прекратит пить, мы больше не сумеем его корректировать, – предупредил Карл Эмерих мудрую жену верфевладельца. – Всякому искусству положен свой предел. В этом случае я подаю вам знак, и вы любым способом уводите супруга спать. В контракте сей нюанс оговорен отдельным пунктом, снимающим с нас ответственность после критического уровня алкоголя в крови клиента.

– Три часа выдержите? – спросила мудрая жена.

– Три часа? – маэстро Карл задумался. – Надеюсь, что да.

– Надеетесь? Или уверены?

– Уверен. Он ведь у вас не самоубийца?

Мудрая жена вздохнула:

– Нет, не самоубийца. Он просто пьяница. Умоляю вас, хотя бы три часа...

Вести пьяницу оказалось легче, чем предполагал Лючано. Здоровые рефлексy и трезвое сознание юноши, накладыва-

ваясь на хмельные нарушения двигательных функций куклы, быстро приводили все в норму. Вот и сейчас: лишенный поддержки невропаста, танцующий Жан-Пьер уже бы не раз вспахал землю носом или смахнул со столика десяток рюмок, забрызгав гостей. А так опасный, грозящий падением крен мигом выравнивался до почти естественного, головокружение не столь явно мешало пируэтам, и рука на взмахе проходила над рюмками, не задевая посуды.

Мудрая старшая жена, знавшая, в чем дело, тихонько улыбалась. Менее мудрые жены – средняя, две младших и одна временная, без имущественных прав, – не посвященные в ситуацию, только диву давались: любимый супруг выглядел изящным, чтоб не сказать, грациозным, опрокидывая в глотку бокал за бокалом. А гости, знавшие о пороке Жан-Пьера, переглядывались и от изумления пожимали плечами.

Лючано втайне гордился, принимая эти знаки на свой счет.

Даже секс-львица Со-Со с ее губкой не мешали ему работать.

Главное, держать куклу в поле зрения. Лючано знал, что способен некоторое время корректировать моторику клиента, не глядя на объект. Но это было гораздо тяжелее и требовало большого расхода сил. А при сильном удалении контакт «мерцал» и грозил пропасть совсем.

До заказанных трех часов оставалось минут двадцать. Не факт, что старшая жена сразу уведет клиента в постельку. Но

конец работы, тем не менее, близился.

– О-о...

Красотка Сольвейг застонала громче. Лючано, закрытый от воздействия губки, ощутил, как Со-Со напряглась и почти сразу расслабилась, обмякла, уронив ладонь ему на колено. Глаза дамочки ничего не видели; она лишь ритмично хлопала длиннющими ресницами. Смотреть на Со-Со было неприятно. Лет пять назад Лючано удивился бы тому безразличию, с каким проходили мимо гости и прислуга. Но теперь он вырос и понимал: на такого рода вечеринках случается всякое.

Не готовься Жан-Пьер Берсаль к званию тестя Нобата Ром Талелы – верфевладелец бы с удовольствием пил и буянил, мало задумываясь о последствиях.

Собственно, раньше он так и делал.

– Дорогой Нобат! Я поднимаю этот тост за великолепный, блистательный, лишенный пороков род Талела! Для нас, Берсaley, родство с безупречными хранителями традиций, каковыми с давних пор являются все предки и потомки его ослепительного высочества Пур Талелы...

Маэстро Карл, как всегда, был на высоте.

Кукла говорила внятно, с искренними, чуть сентиментальными интонациями. Дыхания с лихвой хватало на длинные пассажи. Клиент не сбивался, не запинаясь, подыскивая нужное слово. Для таких случаев в памяти маэстро Карла хранилось целое собрание тостов и здравий; при необходи-

мости он незаметно подкидывал кукле «на язык» что-нибудь полезное.

А тяжеловатое «каковыми с давних пор...» Берсаль произнес с легкостью записного оратора.

Самому Лючано понадобилось лишь слегка откорректировать жест. Когда Жан-Пьер посредине тоста протянул руки к расчувствовавшемуся зятю, юный невропаст усилил это движение эмоционально, помог кукле развести руки для объятий – и угадал на все сто. Нобат Ром Талела кинулся к отцу своей невесты, и оба мужчины с минуту хлопали друг друга по плечам от избытка чувств.

В сущности, не так уж он пьян, подумал Лючано. Три часа выдержим.

И четыре выдержим.

И получим сверхурочные.

Потом, спустя неделю – тяжелейшую неделю, полную самых разнообразных переживаний! – когда Лючано признался директору «Filando» в тайных мыслях, маэстро Карл пригрозил выдрать ученика ремнем: за дурной глаз. Ремень, правда, остался пустым обещанием, зато Лючано выслушал длиннейшую лекцию о профессиональных суевериях невропастов. И ни разу больше не загадывал наперед, воображая удачный исход работы и радуясь несбывшемуся.

Всё – потом, когда успех или провал станут действительностью.

Судьба, Большой Невропаст, не жалуется торопыг.

А во время помолвки Розалинды Берсаль и Нобата Ром Талелы, денег и титула, случилось вот что. Одна из матрон, в восхищении от анекдотов «милейшего Шарля», решила ни мало, ни много, облобызать остроумного рассказчика. Сказано – сделано. Губы матроны, днём изволившей посетить косметорий, поверх суспензии, стимулирующей естественный синтез коллагена, были обработаны помадой «Repulp Botticelli». А у Карла Эмериха оказалась довольно редкая аллергическая реакция на сочетание пчелиного воска, масла каритэ и гомогенизированных водорослей агарь-агарь, которые входили в состав косметики.

В итоге поцелуй затянулся, а маэстро потерял сознание.

– Ах! – вскричали матроны хором. Они были уверены, что очаровательный собеседник упал в обморок от восторгов любви. – Это так прелестно!

– Ы-ы? – спросил Жан-Пьер Берсаль, лишен поддерживающих нитей вербала-наемника. – Доча! Доня м-мы... м-моя сладкая!.. Тост! Хочу!

Лючано понял, что все пропало.

Первым порывом юноши было вскочить и броситься к бесчувственному маэстро, оставив куклу на произвол судьбы. Но он не встал из шезлонга. «Сидеть!» – велел Карл Эмерих, человек, вытащивший неотесанного сопляка в огромный мир Ойкумены. Этот человек дал сопляку профессию и в случае провинностей угрожал ремнем, как грозил бы отец, которого Лючано был лишен. Не играло роли, что Карл Эме-

рих сейчас молчал и ничего не приказывал.

Упади небо на землю, это тоже не сыграло бы особой роли.
«Работать! Работать, я сказал! Шоу должно продолжаться!»

– Н-но... Н-нобат! – распинался меж тем будущий тесть, заикаясь и всхрапывая. – Н-нодик!

Продолжая корректировать моторику пьяницы, благодаря чему окружающие не успели сообразить, в каком свинском состоянии находится верфевладелец, Лючано потянулся к ниточкам вербальных связей. Тонким-тонким, шелковистым, еле заметным ниточкам. Невропаст – не вполне телепат, а тем более не телепат-подавитель: он не мог говорить за Берсаля, перехватив управление целиком. Он мог лишь поправлять, подсказывать, чистить, доводить до блеска...

Ничего он не мог.

Ничего не получалось.

Пьяница, двигаясь, как трезвый, нес околесицу.

В одиночку Лючано Борготта не справлялся с двумя комплектами разнородных нитей. Не справлялся, и баста. Он готов был отказаться, закрыть глаза, принять позор и провал. В конце концов, ничего особенного. Гонорар пролетит мимо кассы. Маэстро Карл будет зол. Никто не обвинит Лючано в саботаже – он сделал свою работу, сделал хорошо, а идиотские случайности еще никто не отменял. Все забудется, уйдет в прошлое...

Плохо понимая, что делает, он снова зацепил вербальные

нити, сохраняя под контролем и главный пучок моторики. «Это не я. Я делаю то, что мне поручено. А с речью куклы работает маэстро Карл. Маэстро Карл – он такой. Он и лежа, и в обмороке... Маэстро – гений, я знаю. Маэстро сумеет. Конечно, сумеет. Что тут сложного: убрать лишние паузы, восстановить ритм, подбросить шаблон, насытить голос обертонами...»

– Нодик! – с чувством сказал верфевладелец Берсаль, беря салфетку и тщательно вытирая мокрый рот. – Я люблю тебя, как сына. Надеюсь, ты простишь старику эту фамилльярность...

«Это не я. Это маэстро Карл. Я делаю свое дело. Он делает свое дело. Обычное, не слишком сложное дело. Пьяный дурак – чепуха для двоих невропастов. Легче легкого».

– Я всю жизнь мечтал назвать Нобата Ром Талелу просто Нодиком. Сегодня мечта сбылась. У нас, деловых людей, бывают странные мечты. Как и у аристократов.

«Вот работаю я. А вот работает маэстро Карл. Нас двое. Все в порядке. Сейчас пьяница скажет то, что хотел, без заикания, гладкими, накатанными пассажами...»

– О чем мечтаешь ты, Нодар? Не отвечай, я вижу. Дочь моя, подойди к отцу...

«Этот алкоголик действительно мечтал о том, о чем сейчас говорит вслух. Маэстро Карл просто помог ему высказаться связно. Скоро все закончится, и мы уйдем. Получим гонорар. Через три недели улетим на Борго, в отпуск. Маэст-

ро Карл обещал, что мы отправимся в гости к тетушке Фелиции. Она станет рассказывать о марионетках, маэстро Карл будет слушать и улыбаться, потом он купит для коллекции новую куклу, а я побегу хвастаться друзьям детства своими приключениями... Скоро все закончится. Надо только следить, чтобы Берсаль не качался и не падал. А маэстро Карл приглядит за его речью. Это ведь не я – вербал. Я – моторик. Вербал – маэстро Карл. И все в порядке».

Левой рукой Лючано приобнял за плечи задремавшую Со-Со. Пусть гости думают, что юнец соблазнился пышной красоткой и наслаждается «общей губочкой». Пусть думают, что угодно. Кукла идет легко и свободно, корректируемая в четыре руки. Мы с маэстро Карлом бесподобны.

Аплодисменты, дамы и господа!

Почему я не слышу оваций?

В дальнейшем, выслушав от маэстро скупую похвалу и выяснив, что он – универсал, редкий природный талант, способный работать куклу в одиночку, Лючано не признался Карлу Эмерику в главном. Совмещая функции вербала и моторика, он всегда представлял себе одно и то же. Год за годом – неизменно одно и то же.

Это не я корректирую речь куклы.

Это маэстро Карл.

Маэстро здесь, рядом. Маэстро, как всегда, на высоте.

И все получалось.

Глава третья

Злодей и рабовладелец

I

...Утро вползало в окно тихим шорохом прибоя, криками чаек, соленым дыханием бриза и золотистым лучиком солнца, который наконец пробился сквозь жалюзи...

Ах, если бы!

Так утро могло вползать в окошко частного бунгало на берегу океана, стоимостью, как минимум, семьсот экю в сутки. А здесь, в Синем краале, в дешевом отеле «Макумба» – добрых сорок миль от знаменитых пляжей Шин-Бунга! – такого чудесного утра просто не могло быть. Снаружи, вместо чаек и бриза, гудела, громыхая мусорными баками, допотопная «помойка» на воздушной подушке. Не требовалось выглядывать в окно, чтобы это определить. Сей звук будил Люча-но сотни раз во время бесконечных гастролей «Filando», где он начинал карьеру невропаста.

«На любой обитаемой планете, – размышлял он, зная, что сон удрал без возврата, – есть гостиницы типа „Макумбы“. А на задах этих отелей высятся горы дюралевых баков для отходов. И ранним утром их неизбежно опустошает води-

тель шумного драндулета, гордости местной службы ассенизации. Терпи, кукольник. Это судьба в облике вездесущей „помойки“...»

В ответ судьба за окном издала отчаянный скрежет.

– М'гомба с-суанх калела! Калела н'ча! Чхака...

Лючано не понял ни слова, но интонации сомнений не оставляли. Любопытство пересилило: отбросив легкое покрывало, директор «Вертепа» босиком прошлепал к окну. Жалюзи с шелестом раздвинулись, в глаза ударил знакомый поток ослепительно-голубого света. Проклятье! Он и забыл, где находится. Разумеется, в здешнем «полу-люксе» прозрачность окон не регулировалась. Нашарив очки, Тарталья разглядел водителя «помойки» – тот сражался с мятежным чудом техники. Левый захват заклинило, машина вцепилась в контейнер мертвой хваткой. Мусороприемник тоже расстроился, обиженно скрежеща жвалами в ожидании порции жвачки.

Водитель, подключившись через шлем к тому, что замечало старой развалине «мозги», спешно гнал диагностику. Но результатов пока не наблюдалось.

– Чхака!.. н'ча...

Лючано закрыл жалюзи и пожалел, что сэкономил на режиме звукоизоляции номера. Пять часов утра по местному времени, чтоб они сдохли со своими отбросами...

Душ, на удивление, работал исправно. Выбрав на панели ароматический тонизант – «баальский гибискус» – Тарталья

с удовольствием подставил лицо под тугие струи. Из душа он вернулся свежим, прибодрившимся, и тут же сунулся к терминалу. До завтрака время есть. Интересно, не появилось ли новостей на «пяточке» «Вертепа»?

Он не особо рассчитывал на заказ: труппа на Китте меньше суток. И «пяточок» у них крошечный, таких в вирте – тьма. С робкими усиками ассоциатив-линков, ползущими к общедоступникам, где не надо платить за «прописку». Если специально не искать по названию, профилю или ключевым семант-связям, разрешив полусознанным стремлениям самим выбирать желаемое – найти «Вертеп» практически нереально. То ли дело жирные спруты корпораций и полугалтельные амебы рекламщиков, не гнушающихся ничем!

На их щупальца и ложноножки натыкаешься всюду.

Терминал представлял собой реликт давно минувших исторических эпох. Лючано подозревал, что устройство сохранилось в «Макумбе» со времен колонизации Китты. Выставь его хозяин отеля на аукцион антиквариата, мог бы неплохо заработать. Ни голо-скважины, ни нейропорта, ни эмитора сферы. Имелся разъем для подключения шлема, но сам шлем отсутствовал. Хорошо хоть голосовое управление в наличии.

Тарталья не удивился бы, найдись в комплекте к терминалу доска с кнопками, которую он видел в музее. Как она называлась? Клавиатура?

Натянув сенсорные перчатки, он щелчком запустил «ру-

ину», как любил выражаться в таких случаях маэстро Карл. Отрегулировал глубину рабочей голоформы, выплюнутой дисплеем, запустил в нее руки едва ли не по локоть, разгребая входной буфер; нащупал канал, ведущий к знакомому ресурсу. Можно было войти напрямую, с голосового кода, но очень не хотелось озвучивать код в «Макумбе». Пускай «пятачок» «Вертепа» никому даром не нужен, чтобы его взламывать и опутывать коконом мимикрантов-перехватчиков, падких на чужие запросы...

Ага, вот и канал.

– Ресурс «Мельпомена», раздел «линки»!

Белковый процессор дико застрекотал в недрах корпуса, покрытого морщинистым биопластом. Навстречу ринулись, ритмично пульсируя, стены канала. Распахнулись ворота из слоновой кости, открывая холл «Мельпомены».

– Мы рады приве... на нашем...

Голос стих за спиной. Лючано молнией пересек холл, его буквально втянуло в крайнюю слева дверь, волоча по коридору-лабиринту. Открылась еще одна дверь, с надписью «Линки».

– Каталог «Частные театры».

Дверцы одного из металлических шкафов-гигантов, занимавших комнату, разошлись в стороны. Выдвинулся ряд ящиков.

– Планета Сечень, Бета Архиерея.

Все ящики, кроме верхнего, скользнули обратно.

– Театр контактной имперсонации «Вертеп» графа Мальцова!

Из ящика выпорхнул голубоватый шарик. Он завис в воздухе, мерцая и вращаясь. На поверхности объявилась лимонно-желтая надпись: «Вертеп». Лючано ткнул в шарик пальцем, шар лопнул – и директор «Вертепа» провалился в недра сферы.

Уютный зальчик, стены обшиты резным дубом. Трещат поленья в камине, стреляя искрами. На стенах – костюмы, маски... куклы. Марионетки. Вирт-копия обширной коллекции маэстро Карла. Многим нравится. Они не подозревают, как невропасты называют своих клиентов. И правильно. Ни к чему им это знать.

Журнальный столик, рядом – два кресла. Диван обит скрипучей кожей.

– Добро пожаловать в гостиную театра! – шепнул над ухом мягкий баритон. – К вашим услугам – тончайшее, виртуозное искусство, чьи корни уходят в глубины...

– Тарталья! – рявкнул Лючано.

Услышав пароль, баритон сменился колоратурным сопрано:

– Здравствуйте, синьор директор!

– Есть новости?

– Да, синьор директор. Ознакомьтесь, прошу вас.

На столике возникла, раскрываясь, старинная книга: переплет из тисненой кожи, желтоватые страницы. Последняя

запись сразу бросилась в глаза: летящий почерк клиента прожег бумагу насквозь. Внизу, в глубине, рдели угли костра, играя алыми сполохами.

«Виконт Асканте дель-Торья желает воспользоваться услугами „Вертепа“. Свяжитесь с секретарем его светлости без промедления».

И номер для связи.

Лючано чиркнул ногтем указательного пальца по строчке с номером. Вспомнив, что сидит перед терминалом голый, он скосил глаза на панель видеокommunikатора и дал приказ театральному гардеробу подобрать накладку. Теперь собеседник видел синьора директора в парадном сюртуке и все такое.

Абонент отреагировал мгновенно.

«Не спит?» – удивился Тарталья. Впрочем, к причудам заказчиков он давно привык.

В кресле за столиком возник пожилой мужчина с холемым, гладко выбритым лицом. Благородная седина на висках, маникюр, осанка лорда. Лицо выкрашено светло-серой краской в тон остывшего пепла. «А костюмчик-то не дешевый, – отметил Лючано, разглядывая гостя. – Не накладка, реал-костюмчик, от кутюр. Бен-Хазри или Мишимото, клянись черной дырой...»

– Доброе утро. Извините за ранний вызов, но его светлость виконт дель-Торья настаивал на немедленной связи. Лючано Борготта, директор театра контактной имперсона-

ции, к вашим услугам.

– Не стоит извиняться, мэтр Борготта. Ваш поступок делает вам честь. Меня зовут Эмиль Сандерсон, я – гарант-секретарь его светлости. Мне поручено уточнить с вами условия розового контракта. С общей формой я уже ознакомился. Цены меня устраивают. Вы берете надбавку за срочность?

– Это зависит от степени срочности.

– Вы понадобятся его светлости сегодня. Начиная с шестнадцати часов.

Лючано на миг задумался.

– Десять процентов надбавки. Скажи вы «через час» – было бы сорок.

– Мне нравится ваша откровенность, – едва заметно улыбнулся секретарь. – В развлечении пожелают принять участие от пятнадцати до двадцати человек. Ваша труппа справится?

– Какова поставленная задача? Шоу? Карнавал? Частное увеселение?

– Костюмированный маскарад. Вы должны обеспечить соответствие заявленным маскам. Манеры, походка, интонации...

– Я понял. Значит, до двух десятков масок... Это максимум наших возможностей.

– Вы торгуетесь или просто уведомляете?

– Я не торгуюсь. Вы должны понимать, что если на маскарад к его светлости внезапно придет барон фон Дейрель и захочет присоединиться к компании наших клиентов – мы

не сможем обслужить барона без ущерба для остальных.

– Нет, барон не приедет. Думаю, в действительности будет шестнадцать человек, не больше. Двадцать – это для перестраховки. Его светлость желает, чтобы остальные участники маскарада померкли рядом с его друзьями. Как полагаете, мэтр? Померкнут?

– И умрут от зависти. Мне потребуются характеристики масок. И подробное описание.

– Сейчас вышлю.

– Еще нужны тоекратные подписи всех участников под контрактом.

– Я в курсе. До начала выступления подписи будут.

– Хорошо. Транспорт?

– Транспорт предоставляет его светлость. В оба конца.

– Очень любезно со стороны его светлости.

– Судя по номеру, вы остановились в отеле «Макумба».

Ждите, за вами придут.

Определитель номеров у Сандерсона стоял выдающийся: Тарталья связывался с гарант-секретарем из вирта, а не напрямую с гостиничного терминала! Лючано всегда с опаской относился к людям, которые снабжают свою технику системами удаленной слежки. Но не отказываться же из-за этого от выгодного контракта, который сам плывет в руки?

– Если возникнут вопросы – свяжитесь со мной еще раз.

Секретарь вежливо кивнул, прощаясь, и растаял в воздухе.

Наверняка виконт, или кто-то из знакомых дель-Торья побывал на вечеринке у Шармаля-младшего. Возможно, даже «веселился» на эстраде. Что ж, гастроли начинаются удачно...

– Новое сообщение, синьор директор.

На странице гостевой книги зажглась свежая запись:

«Гай Октавиан Тумидус. Гард-легат ВКС Великой Помпилианской Империи. Персональный заказ. Срочно».

Тарталья скривился, словно по ошибке раскусил зернышко хинного лайма. Едкая горечь пополам с кислятиной, сводящей зубы – сочетание не из приятных. Ничуть не больше приятности таило в себе воспоминание о давнем опыте работы с одним помпилианцем. Опыт этот стоил молодому невропасту трех лет заключения в Мей-Гиле. Правда, срок ему с «шестерни» скостили вдвое, и наказание он отбывал не обычным сидельцем, а подручным тюремного экзекутора. Но это дела не меняло. Лючано не любил вспоминать годы, проведенные за решеткой. Иногда он думал, что лучше было бы отсидеть в колонии от звонка до звонка, чем...

Хватит!

Усилием воли он воздвиг барьер на пути тяжелых воспоминаний. Глупо беречь душу. Прошрое не подправишь, как неловкий жест куклы. В одну и ту же реку нельзя войти дважды...

Зато можно дважды наступить на одни и те же грабли.

Проигнорировать заказ? Труппа занята, у нас аншлаги, ни-

чем не могу быть полезен. Но, с другой стороны... Если время заказов виконта и легата не совпадет? Если удастся вписаться, выделив помпилианцу пару невропастов? Персональный заказ – это хорошие деньги. А с гард-легата мы три шкуры сдерем! Деньги нужны. Ты ведь знаешь, Тарталья, зачем тебе нужны большие деньги?

Знаешь.

Так чего привередничаешь?

Доводы «за» выглядели разумными и убедительными. Доводы «против»... Их не существовало, кроме дурацкой мнительности и личной антипатии. Для Человека-без-Сердца такие чувства – непозволительная роскошь.

«А может, ты боишься?» – спросил издаലെка маэстро Карл.

II

– Доброе утро, Тарталья!

– Это кулеш? Кулеш, да?

– Ой, оно шевелится! Я боюсь!

– Мамочки...

– Нет, это не кулеш... никакой это, братцы, не кулеш...

– Не буду я его есть. Оно само кого хочешь слопаёт!..

В трапезной на первом этаже завтракал «Вертеп». Кроме невропастов, за столиком в углу сидела четверка нагих брамайнов, с отрешенным видом поглощая рис из общего блю-

да. Аскеты поддевали рис деревянными лопаточками строго по очереди. Со стороны их завтрак производил впечатление религиозного ритуала.

Возможно, так оно и было.

Лючано сел за стол во главе труппы, придвинул ближе миску, содержимое которой отчетливо шевелилось, и запустил в еду узкую двузубую вилку. Выудив упругое тельце, он обмакнул его в острый соус...

Вся труппа завороженно глядела герою в рот.

– Пальмовые улитки в сыре, – сообщил он, распробовав. – Деликатес.

– Живые, да?!

Очень хотелось ответить утвердительно. Но Лючано сдержался: того и гляди, труппа голодной останется.

– Нет,дохлые.

– А почему шевелятся? – не унимался Никита. – Врете вы, Тарталья, смерти нашей хотите...

– Потому что миска с самоподогревом. На дне сырная масса кипит, наверх пузыри поднимаются. Думаете, стал бы я живой деликатес есть?

Последний довод показался невропастам убедительным. Степашка храбро ткнул вилкой в булькающую миску, с третьего раза подцепил-таки улитку и, зажмурившись, сунул в рот. Вскоре лицо его приобрело восторженно-обалделое выражение.

– Класс! Братцы, оно навроде ухи из ершей! Только с кис-

линкой и в нос шибает...

– А это что?

– Яйца с мозгами и сметаной.

– Чьи мозги-то?

– Твои, дурила...

– А это?

– Ебаб.

– Тарталья! Анюта, заткни уши...

– Ебаб – это хлебный суп. С изюмом и медом.

– Васька, гад! Сам затыкай уши! Тарталья, передайте мне капельку ебабу...

Глядя на директора и расхрабrivшегося Степашку, навалившего себе гору всякой всячины, невропасты оживились, зазвенели посудой, переговариваясь с набитыми ртами. В итоге за двадцать минут они смели со стола все подчистую. Включая жареную саранчу с зеленой фасолью. О составе этого блюда Тарталью спросить забыли, а сам он благоразумно промолчал.

– Ну что, бездельники, – Лючано откинулся на спинку стула, махнув толстому лентяю-официанту, чтоб нес кофе. – Считайте, вам повезло. Есть заказ. Вот, смотрите.

Он выложил на стол интерактивные голограммы, полученные от Сандерсона.

Вернувшись в номер, он присел на кровать и сидел минут пять, собираясь с мыслями. А вернее, не решаясь выйти на

связь.

Ладно, поехали.

Объемное изображение клиента возникло в комнате рывком, словно помпилианец хотел застать директора врасплох. В следующую секунду Лючано пожалел, что связался с этим хамом.

– Вы заставляете себя ждать!

Не терпящий возражений тон человека, привыкшего повелевать. Лицо подстать голосу: орлиный нос, жесткие складки вокруг губ, квадратный волевой подбородок. Льдистые глазки буравят собеседника, сверкая из-под сросшихся на переносице бровей. Косой шрам на левой скуле. Помпилианец был наголо брит; бронзовый, нездешний оттенок загара придавал ему сходство с ожившей статуей эпохи Третьих Октуберанских войн.

– Я обещал связаться с вами в какое-то конкретное время?

Раз легат счел излишним здороваться, Тарталья тоже опустил приветствие.

– Вам было указано: срочно!

– Простите, господин Тумидус. Тут явное недоразумение. Я не ваш подчиненный, мы даже не деловые партнеры. Поэтому не надо мне указывать. Договорились?

– Ваш тон возмутителен! Вы знаете, с кем разговариваете?!

– Знаю. Но при этом совершенно не понимаю, почему вас

возмущает простая констатация факта? Кажется, я не произнес ни одного оскорбительного слова. Если я ошибаюсь, поправьте меня, и я принесу вам самые искренние извинения.

Видя, что Тумидуса это бесит, он избегал именовать клиента легатом.

– Прекратим словоблудие, – помпилианец явственно скрипнул зубами. – Перейдем к делу.

Лючано обезоруживающе улыбнулся:

– Вот это совсем другой разговор! Я вас внимательно слушаю.

«Первый раунд за нами», – отметил он.

– Мне нужны услуги работников вашего профиля.

– Если можно, конкретнее, пожалуйста. Услуги нужны лично вам? Услуги какого рода? Вам требуется помощь?

От невинного словосочетания «требуется помощь» легата едва не хватил удар.

– Услуги нужны лично мне, – прежде, чем ответить, он долго молчал, сдерживая гнев. – Сегодня я произношу торжественную речь перед выпускниками Имперской военнo-космической школы на Китте. Речь должна воодушевить молодых офицеров, зажечь их сердца, пробудить волну патриотизма и подвигнуть...

«Это уже речь началась, или как? Да, хороший невропасть ему будет очень кстати. Ибо не воодушевляет, не зажигает и не подвигает. А на Китте, выходит, есть помпилианская военнo-космическая школа? Никогда бы не подумал...»

Лючано смутно припомнил, что система Альфы Паука сложна для навигации и по-своему уникальна. Может быть, помпилианцы обучают будущих «львов космоса» полетам в особых условиях?

— ...имперских традиций!

«Беда с этими имперцами. Нос до неба дерут, а сами все кусок пожирнее урвать норовят. Собственную ничтожность не прикроешь величием государства. Пузырь, он и в свадебной гирлянде пузырь...»

— В котором часу намечена речь?

— В семнадцать ноль-ноль по местному времени.

«Не повезло вам, господин Тумидус. С шестнадцати часов вся труппа занята, согласно контракту, у виконта Асканте дель-Торья. Мои извинения. Приятно было пообщаться».

Именно так следовало ответить, после чего прервать связь. И успокоить нервы злорадством, представляя себе взбешенного легата. Но вместо понятного и простого решения Лючано на два внутренних голоса занялся самоедством.

«Вся труппа, говоришь, занята? Так-таки вся? А ты, малыш? Универсал Тарталья в одиночку легко сделает хаму-гвардейцу зажигательную речугу. Труппа отработает виконта и без присмотра: маскарад – чепуха...»

«Но я больше не работаю! Особенно – с помпилианцами!»

«Не облезешь. Личные пристрастия и антипатии – это для богатеньких господ, вроде Шармаля-старшего. Для таких, как ты, есть другое правило: не отказываться от выгодных

предложений».

«Из каждого правила есть исключения! Кроме того, неизвестно, сколько предложит легат...»

«Вот и выясни. И тогда решай, стоит ли груз жара, как говорят брамайны».

«Да, но... Может случиться срыв! Из-за срывов я сломал карьеру, ушел от маэстро Карла, стал директором, администратором...»

«Срыв? Может. Вероятность – десять-двадцать процентов. А в действительности еще меньше. Ты много лет не работал в качестве невропаста, у тебя не копилась критическая пси-масса. В конце концов, честно предупреди клиента».

«Предупредить?!»

«Да. Ты ведь честный злодей, Тарталья? И если он откажется...»

«А если не откажется?»

– Почему вы молчите? Я жду! – с раздражением поторопил легат.

«Ну же! Пусть, если что, Тумидус пеняет на себя! Или ты боишься? Ты смог поставить его на место – так вперед! Доведи дело до конца. Иначе до конца жизни будешь терзаться воспоминаниями. От скелетов в шкафах надо избавляться. Выполни заказ. Лично. И прошлое канет в небытие, исчезнет, развеется по ветру. Тебя оставят призраки, которых ты сам выдумал. Решайся!»

– Моя труппа сегодня занята, господин Тумидус. Я не со-

бираюсь нарушать обязательства по контракту. Но, помимо трупы, есть еще один человек, способный выполнить ваш заказ.

– Кто он?

– Я.

III

Внизу проплывал город.

Курорт-исполин, Хунгакампа утопал в зелени. Сверкали и переливались на солнце разноцветные купола, башни и пирамиды зданий. Золото и бирюза, охра и малахит, аквамарин и дымчатый топаз. Город казался россыпью драгоценных камней на берегу лазурного залива. По воде скользили легкие яхты и раскоряки-катамараны, прогулочные катера-всестихийники и крылатые парусники – словом, все, что могло плавать, летать и нырять.

На пару секунд Лючано снял очки. Мир затопило голубое сияние, рождая сонмы бликов и ореолов. Гладь залива превратилась в расплавленное зеркало, на поверхности которого уже ничего нельзя было рассмотреть. Лучи Альфы обладали странным свойством: даря загар и не вызывая ожогов, они шутили со зрением злые шутки.

Молчун-раб, сидевший в кресле пилота, крутанул штурвал и приналег на педали. «Стрекоза» затрещала крыльями, делая вираж. Увеличив скорость, она понеслась в сторону

гор Кингури, круто обрывавшихся в океан за краалями северной окраины. «Стрекозу» с рабом прислал Гай Октавиан Тумидус. Условия контракта они согласовали на удивление быстро. В ответ на предупреждение Тартальи о том, что он – «имперсонатор с частичным дефектом», и существует вероятность, что в процессе контакта клиент испытает сильную боль, легат с презрением отмахнулся:

– Вы боитесь причинить боль мне?! Не переоценивайте свои жалкие способности! Это я могу причинять боль. Я! И никак не наоборот.

Прав был Тумидус или нет – в любом случае, директор «Вертепа» не стал развивать скользкую тему. Клиент предупрежден и дал согласие. Значит, профессиональная совесть чиста. Цена, названная легатом, оказалась выше, чем рассчитывал Лючано. Для виду он поторговался, заломив надбавку за срочность.

– Вы получите свои деньги! – без споров кивнул легат.

Камнем преткновения неожиданно стало одно, казалось бы, совершенно невинное условие: Тарталья потребовал, чтобы перед выступлением помпилианец ознакомился с текстом заготовленной для него речи.

– У меня нет времени на подобные глупости! – отрезал Тумидус.

Лючано пожал плечами: хотите, не хотите, а придется выкроить часок. И не бегло ознакомиться с текстом, а трижды прочитать речь от начала до конца.

– Вслух? – язвительно спросил легат. Его сросшиеся брови превратились в грозовую тучу, готовую метать молнии. – С выражением? На табурет встать не надо?!

Идею с табуретом Лючано проигнорировал. Хотя в ней таился великий соблазн.

– Можно – про себя.

– Огромное вам спасибо!

– Не за что. Напоминаю: трижды.

В этот момент чувство юмора у Гая Октавиана Тумидуса, и без того небогатое, закончилось совсем. Его сменили гордыня и ярость.

– У меня есть более важные дела! Зачем я тогда вообще нанимаю контактного имперсонатора?! Для издевательств?!

И так далее, вплоть до финального пассажа: как смеет жалкий актришка, разовый наемник, ставить условия ему, гард-легату, кавалеру ордена Цепи и малому триумфатору?!

Пришлось объяснять в доступной для легатских мозгов форме.

– Невропаст, он же контактный имперсонатор, отнюдь не телепат-транслятор, – Лючано изо всех сил скрывал неприязнь к упрямому клиенту. – Элемент телепатии в нашем искусстве есть, но в очень малой степени. Если в памяти клиента отсутствует исходный материал, то имперсонатору не с чем работать. Мы можем улучшить походку неуклюжему разине, но не можем поднять мертвеца и заставить плясать вприсядку. Я готов подкинуть вам «на язык» одну-две чу-

жеродные реплики, перекроить исходный монолог, ухватить смутное желание. Чтобы дергать за ниточки, надо, чтобы нити к чему-то вели...

Он снова вспомнил свой давний и печальный опыт работы с помпилианцем. Там речь не требовалась. Там были именно реплики, достаточно короткие – их Лючано подбрасывал клиенту, не требуя учить текст заранее. Тот клиент, чтоб его черви съели, и не сумел бы ничего выучить загодя – специфика заказа.

Импровизация, в финале которой были арест и тюрьма Мей-Гиле.

– Но транслировать целую речь, если вы не знаете ее в принципе...

– При чем тут текст моей речи?! – перебил легат, не вникая.

– Во время прочтения текста его содержание откладывается в архивах памяти. Пусть даже на сознательном уровне вы не запомните ни слова, в слоях, закрытых для обыденного сознания, речь сохранится целиком. И я, Лючано Борготта, до этих слоев доберусь, уж будьте уверены. Речь вы произнесете в лучшем виде, не прибегая к помощи табурета. Зал будет рукоплескать. По окончании выпускники стройными колоннами, в едином порыве...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.